

Дневник СМЕНЫ

ВЕЛИКИЙ СЧЕТ

17 января. В этот день началась всеобщая перепись населения.

Задача переписи — установить количество граждан, населяющих Советский Союз, определить состав населения по грамотности, образованию, занятиям, общест-

Стиль Маруси

На заводе «Динамо» имени Кирова работает комсомолка-стахановка Маруся Пестрецова. На заводе хорошо знают и уважают молодую работницу.

— Я поставила себе за правило — вставать в мех за 15–20 минут до туалета, чтобы подготовиться к началу работы, — сказала нам тов. Пестрецова. — Этому я научилась в седьмой год и все это время — ни одного опоздания, ни одного прогугла.

Маруся пришла на завод, не имея специальности, изучала сле-

вавшим группам. Перепись отрадит грандиозные достижения народов СССР, достоящих в очном социализме.

Советская молодежь принимает активное участие в проведении переписи. Комсомольская организация Праволесского узла (Калмыцкая АССР) включилась в работу по разъяснению значения переписи. Агитаторы-беседчики, чтечки — комсомолки послали Какулова — по-деловому проводят массово-разъяснительную работу среди рабочих, служащих и домашних хозяек.

В Карелии комсомолым Ладвинского механизируемого лесорукта (Прионежский район) организовали лыжный агитпоход, посвященный переписи.

В Москве — главным штабом переписи — молодежь ведет энергичную подготовку к 17 января.

На этом снимке, сделанном в 20-м переписном отделе столицы, стечники изучают технику проведения переписи.

Стиль Маруси Пестрецовой

самое дело, занималась на рабфаке, сейчас работает технологом цеха черной ковки. Маруся — агитатор. Не менее трех раз в месяц собирает она «своих женщин» — жен рабочих окрестных заводов, домашних хозяек — и проводит с ними беседы.

Четвертого января я провела беседу о постановлении партии, правительства и профсоюзом об учреждении трудовой дисциплины, — говорит тов. Пестрецова. — Мои слушательницы задавали много вопросов и единодушно приветствовали это решение как сокрушительный удар по всем лодырям, прогульщикам и рвачам.

Новый комитет

Во всех комсомольских организациях прошла отчетно-выборочная сессия. На основе решений VII пленума ЦК ВЛКСМ комсомольцы страны критически анализируют работу комитетов, комсомольским съезду выданы и руководству лучших молодых товарищей.

На снимке вновь избранный комитет ЦКСМ станции Нальчик на обсуждении плана работы. Слева направо: С. Иванки, Е. Равакина, Н. Дюкский, Э. Гехт и А. Бузачева.

На паровоз!

Перед вами первая парашютистка Узбекистана комсомолка Башарат Мирбабаева. Она была первой узбекской девушкой, отважившейся прыгнуть с самолета. Здесь, на снимке, мы видим Башарат не в кабине самолета, не в одежде парашютистки; Башарат изучает паровоз.

Недавно Лазарь Моисеевич Каганович призвал девушек к овладению техникой паровоза. На призыв сталинского наркома горячо откликнулись многие молодые железнодорожницы Ташкентской дороги. Захватив с собой желание стать машинистами расцепления станции Туркестан тов. Касимова, проводница станции Кызл-Орда тов. Рубо, токари депо станции Самарканд тов. Юдина и многие другие.

Башарат Мирбабаева вместе с другими 27 девушками поступила на курсы железнодорожных машинистов, организованные управлением и политотделом Ташкентской железной дороги.

Этот снимок сделан на уроке преподавателя курсов тов. Беса-

лова. Он объясняет Башарат Мирбабаевой устройство паровоза.

В начале 1939 года учащиеся курсов будут проходить практику на паровозах, а в апреле закончат курс и сдадут экзамен на звание помощника машиниста.

Плес о лодях Красного Флота

В тисе показан Красный Военно-Морской флот в мирные дни учебы и в боевые дни будущей войны, когда советские моряки по призыву партии и правительства защищали советские границы от нападения врагов и наносил фашистам сокрушительный удар. Плесу поставил заслуженный деятель искусств орденюсеи И. Беренев.

На рисунках: артист Б. Оленин в роли командира миноносца и артистка С. Соколова в роли корабельного инженера.

Артист В. Оленин в роли командира миноносца.

Рис. М. Малославского.

Плесов В. Клехта «Миноносцы «Гневный» открыл зямий сезон Московский государственный театр ленинского комсомолы.

«Миноносцы «Гневный» — плеса о советских военных моряках, о преданных нашей великой социалистической родине советских патриотах, оберегающих морские рубежи СССР.

Действие происходит в дивизионе четырех миноносцев, во главе которых находится миноносец «Гневный». Тремя кораблями командуют командиры-комсомолцы.

На Дальнем Востоке

Остров Сахалин четверть века назад был изгнательной тюрьмой каторжников. Сейчас Сахалинская область живет одной жизнью со всей Советской страной. Регулярное авиасообщение приблизило Советский Сахалин к матерку. Сахалинские комсомолки хорошо провели отчетные собрания и выборы в Кировском, Александровском и Широкопоявском районах. В первой комсомольской организации савискомсомола Кировского района присутствовало на собрании 100% комсомолов. Половина из них выступила в президиум. Лучшие избраны в состав комитета.

С большим подъемом прошли отчетно-выборочные собрания у комсомолов Заимерной.

В прославленном полку, которым командовал Герой Советского

Союза капитан тов. Провалов, в руководстве комсомольских органов избраны влиятельные люди страны — герои Хасана, награжденные за мужество и отвагу орденом Союза ССР. Ответственным секретарем бюро избран полдотрук Георгий Салакин, награжденный орденом Красного знамени, его первым заместителем избран заместитель полдотрука Михаил Панкратов, также награжденный орденом Красного знамени.

Красноармеец Андриянов, награжденный орденом Красного знамени, избран комсоргом. Орденюсеи-красноармеец Гончаров избран в состав нового президиума комсомольской организации.

Эти товарищи впервые пришли к руководству и с энтузиазмом берутся за работу.

Артистка С. Соколова в роли корабельного инженера.

Рис. М. Малославского.

СМЕНА

журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Год издания XVI № 1 январь 1939 г.

В НОМЕРЕ:

На титульной странице: А. ГОРЧАКОВ, И. КО-

РОТИН — Наша настольная книга

Ленин жив! (переводная)

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ — Над томом Ленина (стихи)

Счастье (башкирская народная сказка)

ПАВЕЛ ПАНЧЕНКО — Ульяновск — город род-

ной (стихи)

С. ТЕТЕРИН — Юноша Ленин (очерк)

Л. УСПЕНСКИЙ — У истоков (отрывки из по-

эмы «О Ленине»)

Ю. GERMAN — Дзержинский в тюрьме (эпи-

лоды биографии)

В. КАВЕРИН — Первая любовь (отрывок из

романа)

Н. ШТЕРЦЕР — Город рассказывает (фото-

очерк)

Р. ВОИНОВ — Ленину о моральном облике

молодежи (статья)

К. БАДИГИН — Радиограма с «Седова»

Н. МЕЧОВ — Мастера «карманной артиллерии»

И. РАХТАНОВ — Сладом (очерк)

П. ШИФМАН — Как рождаются прогулы

(статья)

Б. БЕГАК — Первые актеры Кара-Калакии

(очерк)

Н. БУРОВ — Бедная ива (юмореска)

М. ПОЛЯНОВСКИЙ — Под новым год (рас-

скава)

Проводы и встреча (карикатуры Д. Дубин-

ского, текст Ю. Панова)

Р. ИСАЕВ — На ринге Королев (очерк)

ДНЕВНИК «СМЕНЬ»: Великий счет. Новый

комитет. На парад! Пьеса о людях

Красного флота. На Дальнем Востоке. Стиль

Маруси Пестревой.

П. ШЕРСТНЕВ — Учиться можно везде (ответ

на письмо т. Сахаровой)

К. СМЕРНОВ — Плохая книга

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ: Подлое преступление

(20-летие со дня убийства Карла Либкнехта и

Розы Люксембург); 20 лет Советской Бело-

лоруссии; Даргомыжский (70 лет со дня

смерти)

«Смена» — пятнадцать лет. Шахматы. Кроссворд

Рисунки художников: И. Гринштейна, Д. Ду-

бинского, Г. Васильева, М. Милозлавского,

С. Растрогуева

Фото: И. Гушина, Г. Капустянского, О. Ландер,

И. Фигурова, Н. Штерцера

На обложке: В Музее В. И. Ленина, фото

И. Гушина

На обороте обложки: На лыжах — в лес, фото

Наша настольная книга

Мы, молодые специалисты, как и вся наша молодежь, с большой радостью встретили выход «Истории Всесоюзной коммунистической партии [большевиков]». Читать «Краткий курс истории ВКП[б]» мы начали еще в газете, а когда вышла книга, мы занялись самым детальным изучением ее. Каждый из нас работает над книгой самостоятельно, но, закончив один—два раздела, мы сообщаем о прочитанном. Читая, каждый из нас отмечает отдельные трудные места, формулировки, слова, с тем чтобы выписать их совместно. Если же сами трудного вопроса решить не можем, без стеснения обращаемся за консультацией к более подготовленным товарищам. Каждый из нас ведет конспект, делает выписки. Конспектирование книги помогает проверить, насколько мы усвоили материал. Если материал заиспеченоправлено правильно, значит, мы его поняли.

Мы не ограничиваемся одним лишь «Кратким курсом истории ВКП[б]»: пользуемся также и первоисточниками, читаем произведения Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. Читаем и Плеханова—его работы по истории материализма. При изучении истории мы помним слова великого классика социалистического реализма А. М. Горького, который советовал читать литературу, любить литературу, ибо она помогает человеку лучше разобраться в действительности. Поэтому мы стремимся широко использовать и художественную литературу. Возьмем, например, главу I, раздел 1-й: «Отмена крепостного права и развитие промышленного капитализма в России. Появление современного промышленного пролетариата. Первые шаги рабочего движения». Прочитав этот раздел, мы обратились к знаменитой книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», сделав из нее отдельный выписки и заметки. Одновременно с этим мы прочитали «Сорную-ворову» и «Крестьянскую собственность» Герцена.

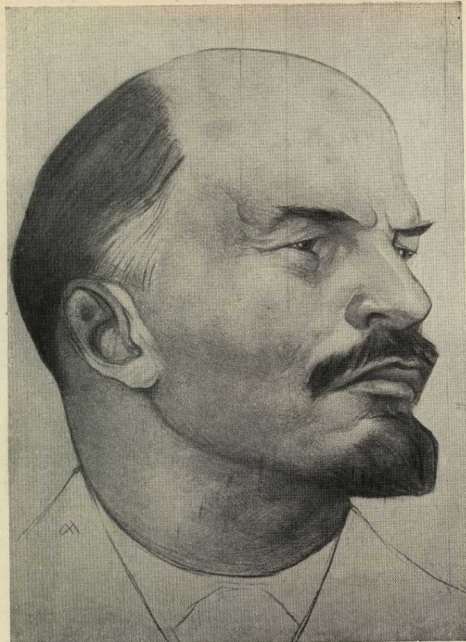
Мы остановились подробно и на 3-м разделе I главы, где говорится о начале кипучей революционной деятельности В. И. Ленина. Мы вместе прочитали речь товарища Сталина на вечерах красных курсантов в 1924 году. Замечательная речь! Никогда не забудем сталинского сравнения Владимира Ильича с горным орлом!

Живые беседы, товарищеские дискуссии и повседневное участие в общественной жизни завода помогают нам еще глубже усвоить богатейший опыт борьбы партии большевиков.

Инженер, член ВКП[б] А. ГОРЧАКОВ

Инженер, член ВЛКСМ И. КОРОТИН

Москва, Автозавод имени Сталина

В. И. ЛЕНИН.

С рисунка Н. Андреева.

НАД ТОМОМ ЛЕНИНА

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ

Вечером
Мы сходимся в читальне.
Город умолкает.
За окном
Молния
Электровышек дальних
Синим осыпаются огнем.

Здесь
У каждого глаз
Крылатой птицей
Мудрый том, раскинувшись, лежит,
По его стремительным страницам
Жадные
Прошли карандаши.

Их следы —
Натянутые нити
В толщу жизни
С глиняных листов.
Свет из-под зеленого прикрытья

Точным кругом
Падает на стол.

Вот она
Лежит передо мною —
Груда
Коленкоровых томов...
Я сегодня
Бережно открою
Книгу
И увижу:
За кормой
Раздужная Волга,
Легкость лета,
Город, уплывающий назад...
В новых
Ученических штиблетах
Уезжает юноша в Казань.
Там кружки —
Начало смелых планов,
Свист нагайки

Над его плечом,
Аресты
И:
«Господин Ульянов
Из числа студентов исключен».

Пожже:
На сибирских полустанках,
Над жевеской,
Голубой водой,
Зоркий мозг работал неустанно,
Направляя и ровняя строй.

Строй бойцов,
Не дрогнувший ни разу,
Получая план издалека,
Каждую
Отточенную фразу
Превращал
В лютую грань штыка.

...Шестьдесят страниц...
Верным следом
За словами
К свету шла земля.

Вот я вижу первую победу —
Гордый флаг
Над башнями Кремля.

ЛЕНИН —
Предо мной в этом слове
Наша тактика за много лет,
Мудрость человечества
И совесть
Лучшего,
Что есть на всей земле.

Буквы на граните,
А под ними
Ленин
В мавзолее погребен,
Женщина ребенок приподнимет,
Чтобы крепче мог
Запомнить он...

...Вечером
Мы сходимся в читальне.
Ровный свет
Не гаснет доподзна.
Мы стремимся точно,
До деталей
Зоркую стратегию познать.

Как в росинке
Ясная зарница —
В каждом шаге ленинская мысль.
Мы допишем
Смелые страницы
До главы последней —
Коммунизм.

ЛЕНИН ЖИВ!

Сталин — это Ленин сегодня
(Апри Барбюс)

Пятнадцать лет прошло со дня 21 января 1924 года, когда умер величайший вождь мирового пролетариата, создатель большевистской партии, учитель, друг и отец — Владимир Ильич Ленин.

Смерть Ленина была тяжелейшей утратой для трудящихся нашей страны и для рабочего класса во всем мире. «В день похорон Ленина международный пролетариат объявил пятиминутную остановку всех работ. Остановились железные дороги, остановилась работа на заводах и фабриках. Трудящиеся всего мира с глубокой скорбью провожали в могилу своего отца и учителя, лучшего друга и защитника — Ленина» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 255—256).

В те дни с трибуны II всесоюзного съезда советов на весь мир прозвучала полная революционной страсти и решимости великая клятва товарища Сталина.

«Это была клятва всей большевистской партии своему создателю и учителю — Ленину.

Великий продолжатель дела Ленина, его вернейший друг, ученик и соратник, товарищ Сталин высоко поднял над нашей страной и над всем миром знамя Ленина. Он пронес это знамя сквозь годы упорной и беспощадной борьбы с многочисленными врагами партии и всего трудового народа. Непобедимое ленинское учение он сохранил неизменным и развил дальше. Он привел народы Советского Союза по ленинскому пути к социализму, он ведет их к сияющим высотам коммунизма. Клятва, данная партией над гробом Ленина, превращается в жизнь под руководством великого Сталина.

* * *

Над гробом Ленина партия дала клятву: «держатъ высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии».

Еще на заре формирования пролетарской партии Ленин говорил: «Надо готовить людей, посвящающих революции не один только свободные вечера, а всю свою жизнь» (Ленин. Т. IV, стр. 58).

Ленин был человеком, отдавшим всю свою жизнь интересам пролетарской революции. Таким человеком является и товарищ Сталин.

В работе «Что делать?», ставшей идеологической основой большевистской партии, Ленин дает яркий образ пролетарского революционера-большевика. Большевик — это прежде всего боец, народный трибун, пламенный агитатор, неутомимый строитель боевой революционной партии, терпеливый и кропотливый организатор, тесно связанный с рабочей массой, быстро откликающийся на запросы движения, подымающий рабочую массу все выше и выше, ведущий ее к новым задачам и целям в борьбе за коммунизм.

Выступая на II съезде партии против оппортунизма меньшевиков в организационных вопросах, Ленин подчеркивал величайшее значение члена партии, как пролетарского борца. Он говорил: «Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше...» (Ленин. Т. VI, стр. 33).

В речи перед избирателями Сталинского избирательного округа товарищ Сталин яркими, незабываемыми чертами характеризует образ политического деятеля ленинского типа: ясного и определенного, как Ленин, бесстрашного в бою и беспощадного к врагам народа, каким был Ленин, свободного от всякой лавины при возникновении опасностей, мудрого и неторопливого при решении сложных вопросов, каким был Ленин, правдивого и честного, любящего свой народ, как любил его Ленин.

Партия никогда не забывает этих указаний своих вождей. Очищая свои ряды от недостойных, примазавшихся проходчиков, двурушников, врагов трудовой партии, партия черпает свои кадры среди лучших людей нашей родины, беззаветно любящих ее и преданных ей. Безыменно погибший великий летчик нашего времени В. П. Чкалов был принят в партию специальным решением ЦК ВКП(б). Вступили в ряды ВКП(б) новатор в науке Алексей Стаханов и многие стахановцы и стахановки производства, новаторы социалистических полей. Дальше

И. В. СТАЛИН.

Фото Ф. Кислова

восточные боины и пограничник, идя в бой с японскими саурями у озера Хасан, подавали заявления о приеме их в партию.

Великое звание члена партии большевиков подъято в нашей стране на огромную высоту. Народы СССР полны глубочайшего доверия и любви к большевистской партии, к вождю и учителю трудящихся мира — товарищу Сталину. Они знают, что могут смело положить на товарища Сталина, продолжателя дела Ленина, они знают, что товарищ Сталин выполнит свой долг перед народом.

Клятва, данная партией над гробом Ленина, выполняется с честью.

* *

Над гробом Ленина партия поклялась выполнять завет вождя: «Хранить единство и целостность партии, как зеницу ока». Ленин зорко стоял на страже идейного единства партии и беспощадно грохнул антипартийные группировки изменников марксизму, предателей рабочего класса.

Ленин был беспощаден ко всем, кто пытался расшатать единство партии, поколебать мощь партии, создавая фракции, кто пытался свернуть партию с правильного пути.

Ленин был беспощаден к врагам пролетарской диктатуры, презренным агентам империализма, которые зарывали партию изнутри, выступали за реставрацию капитализма в России.

«Есть вещи, которыми шутить невозможно!», есть такие вещи, как единство партии», — говорил Ленин в заключительном слове на XI партийном съезде в 1922 году.

На X съезде была принята ленинская резолюция о единстве партии, в которой ЦК давал предупреждение исключать из партии всех, кто вступает в оппозицию ЦК, кто будет нарушать партийную дисциплину, пытаться доложить ЦК, кто будет нарушать партийную дисциплину, пытаться возбудить фракционную. Это решение было направлено против сил, возмущавших фракционность. Это решение было направлено против сил Шангинского, Бураковского, Бухаринского, Троцкого, Бухарина, Шангинского, Сапронова и др. На этот же съезд было вынесено решение о партийно-дисциплинарной чистке партии.

Выполняя ленинскую заповедь о большевистском единстве и сплоченности своих рядов, партия под руководством товарища Сталина беспощадно разгромила тех, кто пытался поколебать железную партийную дисциплину, кто пытался нарушить незыблемые организационные принципы партийного строительства, нарушить устав партии — основу внутривторгательной жизни.

Партия неустанно очищала и очищает себя от классово чуждых, враждебных, капиталистских, обуржуазившихся элементов, от примавившихся проходимцев, жуликов, морально разложившихся перерожденцев, подлых двурушников и негодяев из презренной троцкистско-бухаринско-рыковской и буржуазно-националистической шпакли фашистских шпионов, вредителей и уродов.

Под руководством товарища Сталина партия при поддержке всего советского народа успешно проводила троцкистско-бухаринскую фашистскую баню, пытаясь восстановить капитализм в нашей стране.

Восстановление баню, пытаясь восстановить капитализм в нашей стране. Товарищ Сталин сохранено незапятнанной.

И эту клятву партия выполняла с честью.

* *

Над гробом Ленина партия поклялась выполнять завет Ленина: «Хранить и укреплять единство и целостность диктатуры пролетариата».

Ленин был не только величайшим полководцем рабочего класса, под водительством которого была завоевана впервые в мире диктатура пролетариата; Ленин был и первым руководителем первого в мире диктатурного государства. Опираясь на учение Маркса, Ленин создал диктатуру диктатуры пролетариата, отстоял его от бесчисленных врагов падений внутренней и международной буржуазии, наметил и приступил к осуществлению генеральной программы строительства социализма в нашей стране.

Товарищ Сталин привел нашу страну к торжеству социализма и дал советскому народу самую демократическую в мире конституцию.

Выборы депутатов в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик показали всему миру великое моральное и политическое единство народов СССР — социалистического социализма рабочих и крестьян.

Товарищ Сталин неоднократно указывал на опасность для нашей страны, вытекающую из капиталистического окружения. В ответе коммунизму Ивану товарищу Сталину Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик показали всему миру великое моральное и политическое единство народов СССР — социалистического социализма рабочих и крестьян.

Товарищ Сталин неоднократно указывал на опасность для нашей страны, вытекающую из капиталистического окружения. В ответе коммунизму Ивану товарищу Сталину Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик показали всему миру великое моральное и политическое единство народов СССР — социалистического социализма рабочих и крестьян.

Идея считать победу социализма в нашей стране окончательной. Эти указания вождя обязывают нас еще больше укреплять мощь нашего государства, быть бдительными и зорко охранять завоевания социализма, строить коммунистическое общество.

* *

Над гробом Ленина партия поклялась выполнять завет Ленина: «Укреплять и расширять Союз рабочих и крестьян».

Товарищ Сталин отстоял и развил ленинскую теорию о возможности построения социализма в одной стране. Сталинская индустриализация страны явилась ключом для решения всех задач социалистического строительства. Она обеспечила социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Она обеспечила всех классов и слоев населения — рабочих и крестьян, интересы которых не только не вредили, а наоборот — дружественны (Сталин). И эта клятва, данная вождем народов, выполнена партией с великой честью.

* *

Над гробом Ленина партия поклялась выполнять завет Ленина: «Укреплять и расширять Союз республик».

Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила, освободила народы от национального и социального гнета. При помощи великого русского народа, под руководством большевистской партии все народы нашей страны поднялись к новой жизни.

Под руководством великого Сталина выколывались черными дружка народов нашей великой страны. Сталинские дружка народов открыла несменяемые родники народного творчества, национального по форме, социалистического по содержанию.

Товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII съезде советов в ноябре 1936 года говорил: «В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого никто не может позволить любое националистическое государство в любой части света» (Сталин «О проекте Конституции Союза ССР», Партиздат, 1937).

И эта клятва, данная партией, выполнена по-большевистски.

* *

Над гробом Ленина товарищ Сталин поклялся выполнять завет: «Укрепить и расширить Союз рабочих и крестьян».

Красная Армия пролетарского государства отстояла Страну советов от полчищ иностранных интервентов и внутренней контрреволюции и закрепила победу Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленин неоднократно указывал, что «опасность, однако, для нас не в том, чтобы нам пришлось продолжать организовывать и укреплять нашу Красную Армию».

Победа социализма укрепила боевую мощь и несокрушимость Красной Армии. Народы Советского Союза всегда подлинно указывали своим вождям о капиталистическом окружении. Они говорят словами великого Сталина: «Мы стоим на мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угрозы и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны» (Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 552). Герои Хасана показали всему миру, как умеет отвечать Красная Армия на удары фашистских поджигателей войны. Крепость и силу Красной Армии испытает всякий, кто осмелится «сунуть свое сапожное рыло в наш советский отпор».

И эта клятва выполнена партией с честью.

* *

Над гробом великого учителя партия поклялась: «Укреплять и расширять союз строящихся всего мира — Коммунистический Интернационал».

Великие Советского Союза среди трудящихся всего мира растут с каждым днем. Трудный народ Испании и Китая вступил в кровавые битвы со своими угнетателями. Сталин указал: «Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев». Эти слова стали боевым программным революционным настроением рабочих всех стран. Во всем мире крепнет единый фронт против войны и фашизма.

Великое сталинское повествование — «Краткий курс истории ВКП(б)» — говорит, что «победа пролетарской революции в капиталистических странах является кровным интересом трудящихся СССР» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 282).

Поклоняясь устам товарища Сталина, мы с честью выполняем свою клятву — быть верными до конца делу пролетарского интернационализма, делу братского союза пролетариев всех стран» (Сталин).

* *

За 15 лет, прошедших после смерти Ленина, облик нашей родины неузнаваемо изменился. Из страны аграрной СССР стал мощной индустриальной державой, страной коллективного, крупного механизированного сельского хозяйства, страной самой передовой в мире культуры.

Особенностью страны социализма является неустанное коммунистическое движение вперед, неустанное повышение уровня культуры, развитие сельского хозяйства, науки, культуры. Весь многомиллионный советский народ стремится умножить богатства нашей родины, крепить ее обороноспособность.

Капиталистический мир в 1929 году не может увеличить объем производства своей промышленности. С «монументом» военных заказов и гонимой вооружений промышленности капиталистических стран в 1936 году, казавшая, приближалась к уровню 1929 года. Однако 1937 год принес начало нового экономического кризиса.

За это время Советский Союз увеличил объем продукции советской промышленности больше чем в 4 раза. В сельском хозяйстве стальной работы работают 6244 машинно-тракторных станций. Три года назад товарищ Сталин говорил о том, что хлеба в стране совершенно недостаточно, чтобы прокормить все население и иметь некоторые запасы, исходя из перспектив развития, необходимо иметь урожай зерна в 7—8 миллиардов пудов зерна в год. И вот в 1937 году страна собрала уже почти 7 миллиардов пудов зерна. Сталинские задания выполняются успешно.

С каждым годом все больше расцветает культура народов Советского Союза. Крепнет дружба великой семьи народов, составляющей СССР.

Ленин умер, но дело его живет! Ленин жив в народе нашей великой родины, в миллионах массовых, построенных в основном первую фазу (индустрию) коммунистического общества — социализм. Ленин жив в героической партии большевиков — передовом отряде трудящихся СССР. Ленин жив в Сталине — великом вожде народов, ведущем наш народ к построению полного коммунистического общества.

СЧАСТЬЕ

(Башкирская народная сказка)

Во времена давно прошедшие, в дни стародавние, когда страной правили цари, жил-был в одной деревне дед по имени Яяль. Было у деду три сына. Призвал он однажды всех трех и молвил:

— Сказывают, далеко за горами, за лесами, за быстрыми реками есть гора. Говорят, что ту гору рить-копать станет, счастье найдёт.

— Коли так, поеду я туда, — сказал старший.

И пошел. Многою частью леса, переплыл большие реки, перешел через высокие хребты и добрался до горы. Засучил он рукава, стал рить-копать землю, вымочаривать камни. Искал джигит счастье, работая без устали день и ночь. И вот однажды добыл он кусок золота с человечесю голову. Сильно обрадовался.

Но едва джигит взял в руки золото, как выскок из-под земли горный дух.

— Отдай мое добро!

— Не дам! — крикнул джигит. — Это — мое счастье, я пришел искать его издалека, нашел, возьми и не отдам.

— А-а-а! — взревел горный дух. — Выходи на бой!

И начался бой. Дрались один на один, были друг друга, сотрясая землю. Не поддаваясь джигит. Тогда дух за себя своротил гору и бросил ее в человека.

Дед Яяль ждал сына месяца, ждал год, ждал с нетерпением и тоской, но не дождался. Так и сплуд старший сын без вести.

Однажды царь разослал с быстрыми гонцами по всей стране великий указ:

«Стало мне известно, что в стране среди моих подданных есть люди нечестные, и число их несметно. Говорю вам, не счастливы. Счастье ваше в руках царя соседнего государства. Джигиты страны, вооружайтесь, идите войной на того царя, придите на помощь мне, своему владыке.»

Услышал дед Яяль эту весть и решил послать второго сына.

— Дитя мое, — сказал дед, — наш царь зовет всех смелых на войну. Пойди-ка и ты, добудь счастье.

Послушался сын отца и пошел на войну. А война та была страшная. Выросли горы из человеческих голов, потекли реки из человеческой крови. Прошли несчастья, прошли годы, но не вернулся второй сын.

Тогда дед Яяль положил свою руку на плечо третьего и сам пошел искать счастье. Шел он семь дней, семь ночей. На восьмой постучал старика с человечесю глазами.

— Куда путь держите?

Остановился дед Яяль, ответил:

— Дожил я уж до седины в бороде, а за всю жизнь даже колы себе не купил. Счастья не видал. Вот и решил на

Великая социалистическая революция раскрыла все источники народного творчества.

На десятках языков созданы народные пещи и сказители ярлы, благоуханные сказки, легенды, песни о настоящем и недавнем прошлом. Всю свою горячую любовь и преданность героической партии большевиков и ее вождям народ вложил в сказания о Ленине и Сталине.

Иные мы помещаем башкирскую сказку о Ленине, записанную со слов колхозника Тажетдина Камалетдинова из деревни Имян, Балтачевского района.

старости лет пойти размять его. Только не знаю, есть ли оно на свете, счастье.

Усмехнулся старик, сказал деду Яялю:

— Похоже, ты человек, видавший виды. Счастье, которое ты ищешь, есть. Оно тут, на той земле, по которой ты ходишь. Но добыть его нелегко, силы твоей да сына на то не хватит. Вашим счастьем владеет семглавый дракон. Вернись в свой край, собери все искателю счастья, идите не толпой, а ратью.

И пошел дед Яяль со своим сыном обретен в родной край. По пути заходил во все известные деревни:

— Несчастные, — говорил он, — мудрый старик дал мне золотой совет: счастье наше, сказал он, не в чужой стране, а здесь, оно в лапах семглавого дракона.

Блюдо беломоночной глазури с портретом В. И. Ленина. Работа керамической артели в Алма-Ате.

Слушали люди слова деду Яялю, и все несчастные, все бедные брали в руки вилы, косы, топоры и шли вслед за дедом. Там, где проходила народная рать, сверкали молнии, гремел гром, сотрясались горы и качался лес. Искрошили народная семь дней, семь ночей. Разрубили все семь голов на тонкие щепы. Все земли, леса и воды отводили люди у смирного зверя. Дни стали светлее, страну охватила радость, но всем всего света увидели гибель семглавого змеиного и повывлазили они из своих логовищ. Еще издали заметил их старик с веселыми глазами. Он размял деду Яялю. «Смотри, — сказал он, — со всего света летят драконы и зми, хотят отнять счастье, добытое кровью. Вот тебе дубина, ею ты убьешь самого большого дракона.»

Из воды, из лесов, из-за гор вылезали чудовища, и там, где они дышали, пересыхали реки, желтели травы и оставались кучи пепла. Чтобы отстоять счастье, дед Яяль пошел на ноги верных друзей. И стали они битвы, как люди. И эта сказка была страшной. Кровь лилась рекой. Выросли горы трупов. Но чудовища были побеждены. Дед Яяль ударил дубиной самого большого, как велел ему мудрый старик.

Счастливо зажили люди. Прошла года, и пришло великое горе. Умер старик с веселыми глазами, видевший так ясно на много лет вперед. Гореяла земля, плакали старики, и, закрывая лица ладонями, стояли старухи, теряя свои косы; плакали мужчины, женщины, и джигиты, и девушки, и даже малые дети.

Однако больше всех кручинился дед Яяль. Мудрый старик был для него ближе родного отца, любимое сына. Не захотел дед зарывать мудрого в землю.

— Построим дворец, — сказал он, — Будем хранить там тело старика.

И построили дворец из самых дорогих камней и с большим почетом перенесли туда тело мудрого.

После старика остался выращенный им любимый друг. Сильно гореял он, потеряя своего учителя.

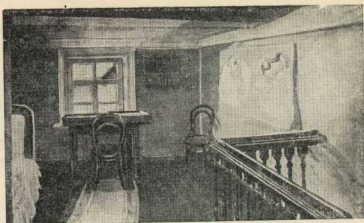
— Не дадим мы и ветру шелкнуть заветы старика, — сказал он, — вынине упасть не дадим на счастье, добытое кровью. На белом свете у нас много друзей и врагов немало, пусть друзья вместе с нами ликуют, и пусть это будет горем для наших врагов.

Сказывают, что дед Яяль жив и по сей день, что радостен и весел он. Его младший сын уже вырос и стал большим человеком.

Записано со слов Тажетдина Камалетдинова из деревни Имян, Балтачевского района.

На этой картине художника П. Добрынина изображен дом Ульяновых в Симбирске. В. И. Ленин жил здесь с 1878 года по 1887 год.

Рабочий стол, полки с книгами, учебная карта, кровать, два стула — вот и вся скромная обстановка комнаты Владимира Ильича в Симбирске. Такой зарисовал ее П. Добрынин.

УЛЬЯНОВСК—ГОРОД РОДНОЙ

ПАВЕЛ ПАНЧЕНКО

...И жил этот город над Волгой,
Как бог или царь положил:
Ходил себе в церковь да в баню,
Востину — жил, не тужил.

Показывал — за спину руки:
Добро ведь острог за спиной!
Колодники только и пели
О воле, о доле иной.

Помещик, купец да чинуша,
Кадыш, монахи, поны...
Но кто это двинулся против
Их смрадной, продажной толпы?

Тышком, как ни в чем не бывало,
По улице мальчик идет.
Его со времен стародавних
Все ждет — не дождется старод.

Да кто ж он такой, этот мальчик?
Откуда? И чем знаменит?
Приземистый да рыжеватый,
Обычный подросток на вид.

Но только в глазах его карих
Недетская дума видна.
За шахматной умной доскою
С отцом просидит допоздна.

А утром в гимназию мчится —
Друзьям, до уроков, помочь.
Учиться — ну что же, он первый!
Резаться — он тоже не прочь!

И, право, ему надоело
Отку что ни день сообщать:
— Из алгебры пять, из латыни
Сегодня попрежнему пять...

Он крикнул какое-то имя:
Пригнели, что ли, позвал.
И возглас веселый и звонкий
Донесся в соседний квартал.

Пригнелей мельничным шумом
Свянта зовет взадья.
Купайся, кренчи кареглазый,
Для бои себя закали!

Пускай он еще за горами,
Последний решительный бой,
Пускай ты о нем и не знаешь,
Но будет он начат тобой.

В кудрях еще капали Свянти,
Но ты по Поворской бего:
За садом, у самого дома,
Гигантские встали шаги.

Возможно, такие качели
Устроил отец неспроста:
С тобою пройдут по планете
Размах, быстрота, высота.

«Ленин за партией».

Рисунок Б. Кустодиева.

Шагай же! С тобою, как птицы,
И братья и сестры взлетят.
Вы в жизни вынесетесь высоко,
Семейство бесстрашных ораят.

Зимою ты с братом помчишься
С высокой горы на коньках,
Всяляя в других конькобежцев
И зависть, и радость, и страх.

Но старший твой брат, он пригнется,
Он крикнет: — Володя, смелей!
...С какою надеждой он вспомнит
Тебя перед казнью своей.

О! Ты оправдаешь надежду
И тех, кто качался в петле,
И тех, кто в живых остался,
Но жизни не знал на земле;

Кто мир оглашал кандалами,
Кто с песнею шел бичевой,
Кто падал, смята завещая
Ту несню, тот каторжный вой.

Но ты победишь по-иному,
Не так, как задумал твой брат.
А так, что одаждет с престолов
И царя и царьки полетит!

А ныне тебя на крыльце
Встречает с улыбкою мать:
— Кобышкини, а вы не забыли
В «Субботник» статью написать?

Ты пишешь статью, Ты напишешь
Их тысячу — будет пора!
Но как мы тебе благодарны
За первую пробу пера!

Иуди земля! Вы не знали,
Что гений в Симбирске рожден,
Что станет Владимир Ульянов
Людей подневольных вождем,—

Вы б камнем в него запустили,
Когда он ребенком тонул,
Вы б руку тому отрубили,
Кто руку к нему протянул,

Вы трижды сожгли б этот город —
Не вышло! Но в сердце людском
Бессмертный Владимир Ульянов
В родной возвращается дом.

Пришедшему в дом опустелый,
Мне горько и радостно тут:
Я слышу шаги миллионов,
Что в город Ульяновск идут.

И пусть я родился над морем,
Не здесь, не над Волжской волной,
Но я обнимаю Ульяновск,
Ульяновск — мой город родной!

Юноша Ленин

(Гимназические и студенческие годы В. И. ЛЕНИНА)

Ленин родился в Симбирске, на Волге, в апреле 1870 года. Отец его, Илья Николаевич Ульянов, был директором народных училищ. Происходя из бедной мещанской семьи и получив образование благодаря своему старшему брату, Матью Ленину, Мария Александровна, дочь врача, была образованной, культурной женщиной, хорошо знавшей иностранные языки, музыку и литературу. Детей у Ульяновых было шестеро: человек три сына и три дочери. Все дети Ульяновых впоследствии стали крупными революционерами и боролись за дело рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Володя Ульянов рос в семье здоровым, резвым и веселым ребенком. Это был общительный мальчик, любивший шумные игры.

Пятилетний Володя у матери научился читать, и одним из любимых его занятий было чтение. В первый класс гимназии Володя подготовился дома и 9½ лет поступил в Симбирскую гимназию. Он был талантливый и жизне-радостный мальчик. Выдающиеся способности сочетались у него с исключительным прилежанием и аккуратностью в выполнении учебных работ. С первых лет занятий в гимназии Володя Ульянов выработал у себя привычку систематически и тщательно работать. При переходе из класса в класс за отличные успехи он получал награды первой степени.

Сам отлично занимаясь, Володя находил время, чтобы помочь другим. Сестре Ане Ильиничне он помогал в подготовке по латинскому языку. Марию Ильиничну готовил по немецкому и французскому языкам. Безвозмездно подготовил чужда-ученика, который сдал экзамен за курс гимназии.

Шестнадцатилетний Владимир Ильич перестал ходить в церковь и саял крест, (он писал по-

том в анкете в 1922 году: «Неверующий с 16 лет»).

В мае 1887 года, в то время, когда Владимир Ильич держал выпускные экзамены за курс гимназии, царскими палачами в Шлиссельбургской крепости был повешен его старший брат Александр, осужденный по делу о покушении на царя Александра III. Смерть брата произвела на Владимира Ильича глубокое впечатление, и он серьезно задумался над вопросом, как организовать борьбу с самодержавным строем.

В июне 1887 года Владимир Ильич окончил гимназию и за выдающиеся успехи был награжден золотой медалью. Столичные университеты для Владимира Ильича, брата казенного революционера, были закрыты, и он поступает в Казанский университет. Ректор Казанского университета забрал от директора гимназии характеристику Владимира Ильича. В характеристике говорилось: «Всегда талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью как самый достойный, по успехам, развитию и поведению». (По документам Музея В. И. Ленина).

Еще в 1884 г. реакционным министром народного просвещения Деляновым был утвержден новый университетский устав, который лишил университеты всякой самостоятельности и вводил в жизнь и занятия студентов полицейский и казарменный режим. Студенчество заволаговало. В университетах наряду с протестами устраивались демонстрации политического характера, направленные против самодержавного строя.

В университете Владимир Ильич примыкает к наиболее революционно настроенному студенчеству. Своей смелостью, решительностью

и блестящим умом он быстро приобретает авторитет среди своих товарищей.

1887 год был одним из годов подъема студенческого движения. Студенты устанавливали связи с другими университетами и начали подготовку к выступлению. Университетское начальство совместно с полицией выслеживало «подозрительных» студентов и увольняло их из университета. Недовольство среди студенчества росло, появились студенческие прокламации.

4 декабря 1887 года в стенах университета на глазах начальства состоялась студенческая сходка. Одним из активных ее организаторов выступает молодой Владимир Ульянов. Студенты потребовали на свое собрание инспектора университета и предъявили ему ряд требований, которые касались не только университетских порядков, но имели и политический характер. По воспоминаниям одного из казанских студентов видно, что выступал на этой сходке и Владимир Ильич, который говорил «о царском гнете, о несправедливости царского суда и необходимости протеста студентов всех университетов против установленного режима». Сходка прошла с большим подъемом. Выходя из университета, Владимир Ильич в часть его товарищей в знак протеста оставили там свои студенческие билеты.

В ночь с 4 на 5 декабря Владимир Ильич и другие 40 студентов за участие в этой сходке были арестованы. После ареста Владимира Ильича заключили в одну из тюремных башен казанского кремля и продержали в ней трое суток. Началось следствие. Университетское начальство и полиция пустились в ход все средства сыска и шпионажа. Заработали полицейские шпики, начались допросы.

Отмечая активную роль на сходке Владимира Ильича, инспектор университета писал:

В. И. Ленин на студенческой сходке в Казанском университете. Декабрь 1887 года.

«В виду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульяновых, такое отношение его на складе لابد повод инспекции считать его вполне способным к различному рою провинциальной, а также преступным демонстрациям» («Красный архив», Т. 62, стр. 55, 1934).

За активное участие в запрещенной законом 1884 года студенческой сходке 17-летний Владимир Ильич был исключен из Казанского университета и выслан в деревню Кокушкино, в 40 километрах от Казани, под надзор полиции.

Полнейший пристав, сопровождавший Владимира Ильича в ссылку в Кокушкино, укоризненно заметил Ленину: «Что Вы будете, молодой человек? Ведь перед вами стена», — «Стена, да гнилая, ткин — развалится», — не задумываясь, ответил юноша Ленин.

В ссылке в Кокушкино, Владимир Ильич много читал, там же он внимательно изучал жизнь и быт крестьян.

На просьбу Владимира Ильича к концу срока ссылки восстановиться в Казанском университете был получен отказ Осенью 1888 года Владимиру Ильичу разрешено было вернуться в Казань. Он ходатайствовал о разрешении выехать за границу для продолжения образования, а затем для лечения, но в этом ему было отказано.

В Казани Владимир Ильич вступил в марксистский кружок, организованный одним из первых русских социал-демократов, Н. Е. Федосеевым. Здесь Владимир Ильич приступил к изучению I тома «Капитала» Маркса.

«Помню, как по вечерам, когда я спускался к нему поболтать, он с болями жаром и одурилением рассказывал мне об основах тео-

рии Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала... От него так и веяло большой верой, которая и передавалась собеседникам. Он и тогда умел убеждать и увлекать своим словом А. И. Ульянова-Елизарова в «Воспоминаниях об Ильиче», стр. 34. Партидат. 1934).

Весной, в мае 1889 года, семья Ульяновых из Казани переезжает в Самару (теперь город Куйбышев). Казанская полиция вслед за выездом Владимира Ильича из Казани сообщает в Самару о непрерывном продолжении за ним негласного полицейского надзора.

Царское правительство, исключив Владимира Ильича из университета, закрыло ему двери в высшие учебные заведения в России и за границей. Владимир Ильич находит выход: он приступает к самостоятельной подготовке к курсу университета. Лето и осень 1889 года прошли для Владимира Ильича в усилении, систематических занятиях. Осенью он подает прошение о разрешении держать экзамен экстерном за курс университета. Ему отказывают. И только летом 1890 года после вторичного прошения ему, наконец, разрешено было держать экзамен при Петербургском университете.

В период между апрелем и ноябрем 1891 года Владимир Ильич блестяще выдерживает все экзамены за полный университетский курс и одновременно сдает государственные экзамены. После экзаменов испытательная комиссия присуждает Владимиру Ильичу диплом с первой степеню об окончании университета по юридическому факультету.

Владимир Ильич в Самаре работал до августа 1893 года. В Самаре он жил в качестве юриста (помощником присяжного поверенного) в самарском окружном суде. В Самаре Влади-

мир Ильич организовал нелегальный марксистский кружок, руководил его работой и читал там свои первые рефераты.

В этот период Владимир Ильич тщательно изучает основные труды Маркса и Энгельса: «Капитал» — тома I и II, «Историю философии», «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии», «Инци-ти-Дюринг» и «Историю философии» на латинском на немецком языке (тогда эти книги не были еще переведены на русский язык).

Для членов марксистского кружка Владимир Ильич перевод с немецкого языка на русский «Коммунистический манифест».

Владимир Ильич был великолепно знаком с лучшими русскими классиками, критиками и публицистами. Он изучал также сочинения Ларина, Бокля, Лассалля, Сенсера, Рикардо и философов гегнелит. Он был знаком с нелегальной литературой, издаваемой группой «Освобождение труда» заграничей. Владимир Ильич основательно знал латинский и греческий языки, свободно читал и писал на немецком, французском и английском языках.

На классических трудах Маркса и Энгельса формировалось революционное мировоззрение Владимира Ильича.

В самарский период Владимир Ильич написал первую научную работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». В этой статье говорится о проникновении капитализма в сельское хозяйство, о расхождении крестьянина, и этим наносился первый удар мелкобуржуазной теории народничества.

Так рос и формировался великий вождь рабочего класса, основатель большевизма, гений человечества Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Л. УСПЕНСКИЙ

У ИСТОКОВ

(ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ „О ЛЕНИНЕ“)

ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ

Такое ж детство, как у всех,
Такие ж страхи и заботы,
Уроки, классные работы,
Такой же сон, такой же смех,
И vareжки, и сапоги,
И кителек не без из'янов,
И оклакиют, как других:
«Володя! Эй! Постой, Ульянова!»
И только вышуклого лаба
Да губ измятыми лукавой
Перстом незримым, тайной славою
Уже конусилась суаба...
И так за годом год течет,
Так в море отрочества детство
Принесит светлое наследство
Наперевой, наперест:
Пушистый сад, простой забор,
Клубнички розовые грядки,
Кокушкинский сосновый бор,
И — ветрами, летом — прятки,
И Цезарь, и а-бе квадрат,
И — даже жизни самой краше! —
Особоные слова «Бать»,
Сочеродоточенное в Саре...

II

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА

«О, мама, мамал Нелегко
Сказать, как долги ночи эти;
Как близко вдруг, как далеко
Все, что любил и знал на свете.
Как близко вдруг...
Как сладко вдруг...
Что нет, не сладился мы злодею!
Что люди соберутся в круг
И скажут: «Умер за идею!»
Ах, мама, мамал...
Тышина...
Уснули волевые, живые,

A под луною у окна
Со скрипом ходят часовые...
Когда?

Я больше не могу! —

Когда? Что полым мне в обмане.
(Я ту занеску берегу
Что пересала ты Мани.)
... Не отвязаться от одной
Чуть слышной фразы музыкальной:
Ее певали надо мной,
Когда-то в детстве, вольно в спальной.
Три только ноты. Только три.
Но нет других таких мелодий...
И, знаешь, ты говоришь
Тихонько обо мне в Володей.

Он остается. И ему
Мы завещем жизнь и время,
И место убийце своему,
И нашей ненависти бремя.
Он остается... В добрый путь!
Дорогой славною, народный
Иди, мой младший брат, и будь
Бойцом гогорты благогородной.

И мыслей торопливый вал
Ему у лица горячим дышит.
Вот напался и — разорвал.
Вот встал и — сед. И — снова нишет.

A за стеною огоньки:
Во мраке бродят с фонарями;
И острый дух сырой пеньки
Пронисится над пустырями.
И крешет штормовой нордост,
И жуту зноящие гробы,
И кто-то на пустой помост
Уже вбирается — да пробью.

A ветер досками стучит,
A карауд спросонку зяится
В глухой ночи...
В такой ноци,
Которая не может длиться.

III

У ПОРОГА

Вздохает тихий теплый дом,
Прилет за стенкой что-то ухнет,
Наверно, это там, на кухне,
Ребята поджали солом...

Но он не слышит. Он — горит.
Он скал извистые губы:
Впервые, может быть, раскрывает
Ему так явно Добролюбова —
Все, от доски и до доски!
И до последней калиты смысла!
Чуть роживаите висяки
Ручьями он до боли стиснул,
Он морщил гордый юный лоб,
Он пригнал глаза живые:
Так невозбранно, так светло,
Быть можно, видит он впервые...
Но вадру — за окнами шаг;
Грешит развороченная рама,
Снаружи не выдать ни зги...
«Что там случилось?» «Телеграмма!»

И вот — сквозь слезы, сквозь fogу,
Сквозь вонюх скрюченного убраться,
Сквозь лампово желтого тогда
Персеенное пространство,
Сквозь fogу, слышанный еда,
Сквозь буйный вениный дух черешен —
Доскают дикие слова
Ручьями он до боли стиснул,
Как можно было перенести,
Как можно выдержать, тоску,
Такую боль, такую весть
И гнеть, и ненависть такую?
Он претерпел удар судьями,
Он заглянул в ее глубины,
Он смею стал в железный строй.
Вот живил. Куда по ней яйти?
И тут он новья, у порога:
«Не эта верная дорога:
Иные нам даны пути».

Дзержинский в тюрьме

(ЭПИЗОДЫ БИОГРАФИИ)

Прогулки по двору

Дзержинского привели в тюрьму и посадили в маленькую камеру. В камере все было железное: и кровати, и стол, и табурет. Кровать, табуретка и стол были привинчены к полу. В окне не разрешалось смотреть. Если кто-нибудь выгадывал в окно, то часовой стрелял и получал за это от начальства тюрьмы в благодарность рубль. В камере, в которую привели Дзержинского, одна кровать была уже занята. На кровати, укрывшись с головой, спал какой-то человек. Дзержинский сел на табуретку и стал думать, как отсюда убежать. Осторожно он попробовал рукой, крепка ли железная решетка на окне. Нет, эту решетку невозможно выломать. Дверь была тоже тяжелой, железная. А по коридору, за дверью, стуча подкованными сапогами по каменному полу, ходил жандарм с саблей. Не убежать!

Человек, который спал, укрывшись с головой, вдруг проснулся и сел на кровати.

— Антон! — воскликнул Дзержинский.

— Феликс! — радостно сказал Антон.

Антон и Феликс Дзержинский были давними друзьями. Они когда-то вместе работали. Вместе, скрываясь от царских жандармов, они приходили на собрания рабочих и говорили речи, призывая рабочих не подчиняться хозяевам фабрик и заводов. Теперь они оказались в одной камере.

— Я совсем разболелся, — сказал Антон Россол, — не могу ходить, даже сидеть мне тяжело, вот когда лежу, тогда легче.

Коридры заключенных очень плохо. Утром давали кинжот без сахара и телячий, жидкий хлеб, на обед — кисельный суп и кашу, вечером — опять кинжот и хлеб. Книг читать не разрешалось. Шестью днями Дзержинский и Россол разговаривали друг с другом, вспоминая, как жили на воле, и строили планы о том, как будут работать, когда выйдут из тюрьмы.

Но Россол был очень болен, и его надо было лечить. С каждым днем ему становилось хуже.

— Мне бы подышать свежим воздухом, — говорил Россол, — я бы сразу поправился.

Но на воздух арестованных не выпускали. А если бы даже и выпустили, то Россол все равно не мог бы пойти: он был слишком слаб.

Однажды в тюремном коридоре раздался голос дежурного жандарма: — На прогулку! — кричал жандарм.

Двери тюремных камер захлопнули. Завертели кандалы. Распахнулась в дверь той камеры, в которой сидели Дзержинский и Россол. Красноварожий усатый жандарм вошел и крикнул:

— Вам что же, вообще приглашение требуется?

Антон Россол попытался встать, но не смог: он был очень слаб.

— Сядь же мне на спину, — сказал Дзержинский, — я внесу тебя на прогулку. Тебе обязательно надо подышать свежим воздухом.

Дзержинский поднял Антона Россола на плечи и вышел с ним в коридор. Там уже выстроились в шеренгу арестанты.

— Это что такое? — спросил начальник тюрьмы, увидев Дзержинского с Россолом на плечах.

— Мой товарищ болен, — сказал Дзержинский, — я понесу его на руках.

— Назад в камеру!

— Нет, я не поеду! — сказала Дзержинский.

— Назад! — во второй раз крикнул начальник тюрьмы.

Арестанты зашумели. Всем было жалко больного Россола.

— Не имейте права! — крикнул один арестант.

— Пацки!

— Бей царских пацалей!

Начальник тюрьмы схватился за револьвер, но арестанты толпой навалились на него, и он убежал.

— По камерам назад! — скомандовал дежурный жандарм.

В этот день прогулка не состоялась. Но на следующий день Дзержинский опять поднял Россола на плечи и вместе с ним вышел в коридор. Начальник тюрьмы испугался, что арестанты взбунтуют, но сказал Дзержинскому ни слова. Усатый жандарм скомандовал: — На прогулку постройтесь!

И арестанты, тремя кандалами, пошли по коридору тюрьмы, потом по лестнице, потом опять по коридору и опять по лестнице. Дзержинский было тяжело нести Россола, но он улыбался и шутил.

На тюремном дворе ярко светило солнце. Была весна. Уже прилетели гвизды.

— Как хорошо! — говорил Россол. — Как замечательно!

А арестанты, шагая по булыжникам, как-то поглядывая на Дзержинского и говоря друг другу:

— Вот это человек!

— Орел-человек.

— Это товарищ.

С этого дня Дзержинский постоянно выносил Антона Россола на прогулку.

Тюрьма на колесах

Арестованных революционеров всюду окружала железные решетки. Даже вагоны для заключенных с решетками на окнах.

Тюрьма на колесах.

В такой вагон пришли и посадили однажды Феликса Эдмундовича Дзержинского и еще нескольких революционеров. Их отпразднили по железной дороге из одной тюрьмы в другую.

Была ранняя осень, погода стояла отличная, теплая, небо было голубое. Заключенные только что шли по углям, и молчать им не хотелось.

А заключенным нельзя разговаривать.

— Разговорщики! — крикнул жандарм. — Молчать! Тоже разговорчи-

сь.

Дзержинский улыбнулся.

— Разговаривать нельзя — шепт будем, — сказал он своему соседу.

И заявил:

«Ночь, темна, лужи мнутца,

По степи гурьбала крысна,

У воркут ет пшурку шлорку.

Два желтые замка.

Жандарм поблещал из злости.

— Молчать! — крикнул он.

Но заключенные подхватили песню. Пел уже весь вагон:

«Тут дронит вдоль коридора

Огонем спороженой.

И шловет о пшурку шлорку.

Зить есучай, часовой».

— Я вам запою! — заорал жандарм. — Я вам покажу неподчинение!

И убежал из вагона.

Пока его не было, спели одну песню, начали другую. В вагоне было весело, слышались шутки и смех.

Через несколько минут жандарм вернулся.

— Поете? — спросил он.

— Поем, — сказал Дзержинский.

— Равно патешка запела, как бы кошечка не с'ела, — сказал жандарм.

Начальник конвой приказал лить все всего допоследних. Теперь им не будет получать никакой пищи. Будете сидеть в вагоне всю дорогу без воды и без хлеба. Посмотрю, как вы теперь почете. Но песню продолжали.

Заключенные пели революционные песни одну за другой: спели «Смело, товарищи, в ногу», спели «Отчетливо от старого мира», спели любимое песню Владимира Ильича Ленина.

— Не унывайте, товарищи, — говорил Дзержинский, — им нас все равно не победят...

Вак с водой был луст: жандарм выпустил всю воду на пол вагона, для того чтобы заключенные мучились от жажды. Хлеба не давали.

Так прошло три дня. Но в тюрьме на колесах попрежнему раздавались песни, попрежнему слышались шутки и смех. К концу третьего дня один человек, уже седой, устал и обморочен от голода и от жажды. Все заключенные были бледны, измучены. У всех пересохло горло и от голода кружилась голова.

— Посите сюда начальника конвой, — потребовал Дзержинский у жандарма.

Жандарм сначала отказался, но потом, когда все заключенные обступили его, согласился.

Начальник конвой, жандармский офицер, пришел в вагон-тюрьму на первой же станции.

Пришел не один: солдаты с шапками и револьверами явились вместе с ним.

— Ну, в чем дело? — спросил начальник конвой.

— Немедленно дайте нам воду и пищу, — потребовал Дзержинский.

— Воду тебе? — спросил начальник. — Пищу тебе? Вместе воды и пищи я сейчас прикажу раздать все всех как бутылочники.

Дзержинский расхопнул на себе рубашку и сказал:

— Мы ваших упрямов не боимся. Стреляйте, если угодно было паче.

Начальник конвой промолчал.

Заключенные кольцом обступили Дзержинского, Начальник повернулся и вышел.

Через час в вагон-тюремю принесли воду, пищу и махорку. Поели, попили воды, покурили махорку.

— Ну что ж, попоим? — спросил Держинский.

— Попоим, — раздался с разных сторон.

И хор грянул:

«То не соволок евообразная
Угнетил в небо порох —
То соволок нам, едучую мыльце —
Убедил в эту ложь.
Из тюрьмы вырваться,
Чтобы воду попить,
Попобить свое мученье,
Вольной грудью податься.»

Кандалы

В камеру вошел начальник тюрьмы.

— Вста! Почему сидите? Какое имеете право сидеть? Когда начальник тюрьмы входит, должны вставать согнувшись и приветствовать начальника вогласом: «Здравия желаю, ваше высокоблагородие!» Вот я сейчас выйду и опять войду, чтобы все встали и приветствовали меня упомянутым вогласом!

Начальник тюрьмы вышел.

Через несколько минут опять вошел.

— Вста! — громче прежнего заорал начальник тюрьмы. — Немедленно вста! Немедленно приветствовать меня вогласом!

— Никакого вогласом мы нашего палача приветствовать не будем, — сказал Держинский.

— Ах, так?

— Точно так.

— Лишью вас прогулки, — сказал начальник тюрьмы.

— Хорошо же! Лишью вас не только прогулки, но заберу у вас матрасы и одеяла. Будете спать на голых досках и на сыром каменном полу. Посмотрим, кто кого переупрямит!

— Посмотрим, — сказал Держинский.

Начальник ушел.

Скоро явился надиратель и отобрал у заключенных матрасы, одеяла и даже пальто. В камере было холодно. Держинский и его товарищи спали прямо на полу. Под был сырой, заключенные простуживались, кашляли, болели. Но никто не желал сдаваться начальнику тюрьмы. Через несколько дней начальник тюрьмы опять пришел в камеру. Заключенные не встали ему на встречу и не сказали, что желают ему здравия.

— Хорошо же, — сказал начальник тюрьмы. — Хорошо! Я знаю, что все вы очень уважаете и любите бутафуска Держинского. Сейчас я прикажу заковать Держинского в ручные и в ножные кандалы. Посмотрим теперь, что вы занеете.

И ушел.

— Пусть заковывает, — сказал Держинский, — лучше сидеть в цепях, чем желать здоровья и вытигиваться в струнку перед этим пегодом.

Держинского повели в тюремную кузницу.

Тюремный кузнец заковал Феликса Эдмундовича Держинского в ножные и ручные кандалы. Позванная кандалами, но поспереживав весело улыбаясь, Держинский возвратился в камеру.

Все, жившие в этой камере, наперебой старались уваживать за Феликсом Эдмундовичем. Революционеры знали, что он мучается в кандалах за них за всех, а он поменялся и говорил:

— Пусть мои кандалы вас не смущают. Не обращайте на них никакого внимания. Как будто бы я вовсе и не в кандалах. Подумаешь, цепи... Заковали, а мы все равно будем бороться и доведем нашу борьбу до конца и до победы.

Железные кандалы очень натравили Держинскому руки и ноги, ходить было тяжело, но он был так же весел, как прежде. Поспережив он пел песни, сам был в камере полн, уваживая за большими товарищами и много рассказывал.

Тюремному начальству пришлось сдасться.

В камеру принесли назад пальто, одеяла и матрасы, с Держинского сняли кандалы и больше не требовали, чтобы заключенные при входе начальнику тюрьмы вставали.

Восстание в тюрьме

Александровская пересыльная тюрьма — очень страшная тюрьма. Она построена в котловине между несколькими горными горами так, что вода с гор стекает к тюрьме. Стены тюрьмы всегда сырые до того, что на потопке висят капли воды.

Вот в эту тюрьму жандармы и привели Держинского вместе с другими сыльными революционерами. Принесли, посадили в кандалы и даже запретили покупать себе на свои собственные деньги еду. Запретили еще многое из того, что разрешалось в других тюрьмах.

Утром на прогулке Держинский собрал всех сыльных революционеров и сказал, что надо заставить начальника тюрьмы пойти на

уступки, а если начальник тюрьмы не согласится, тогда взбунтоваться.

Начальник тюрьмы не пожелал разговаривать с арестантами. Тогда Держинский предложил выгнать из тюрьмы всю стражу, запретить входить и не пускать начальника тюрьмы в тюрьму до тех пор, пока начальник не согласится со всеми требованиями заключенных.

Никакого оружия у заключенных не было. А у тюремной стражи были и винтовки, и револьверы, и штаны, и сабли.

Держинский первый бросился на стражника, схватил его за плечи и вытолкнул за ворота. Остальные заключенные бросились на других жандармов и вырвали всех их из тюрьмы.

— Закрывайте ворота! — крикнул Держинский.

— Есть закрывать ворота, — ответил один из заключенных, бывший матрос.

Ворота заперли и завалили всем, что попалось под руку: кто привалил бревно, кто привалил бочку, кто привалил ящик. У ворот, во дворе, выросла настоящая баррикада. А жандармы бежали снаружи за высокой бревенчатой тюремной оградой и ничего не могли сделать с безоружными революционерами.

Всю ночь революционеры жгли в тюремном дворе кусты и пали революционные веники.

Начальник тюрьмы стоял за воротами и в щелочку предлагал заключенным сдать и прекратить бунт.

Привыбли вокаса.

С винтовками наперевес лодка подошла вплотную к тюремной ограде, и командир роты предложил революционерам сдать.

— Нет, мы не сдадимся, — ответил Держинский. — Мы не сдадимся до тех пор, пока вы не согласитесь со всеми нашими требованиями.

— Это позор, господа! — сказал губернатор своим чиновникам. — Это — са-оборание и позор! Безоружные революционеры выгнали из тюрьмы вооруженных стражников и жандармов. Давайте скажем заключенным, что мы согласны пойти на любые уступки.

Так арестованные революционеры, безоружные, победили вооруженных царских стражников, жандармов, солдат, командира роты, чиновников и губернатора.

Побег

Держинского отправили в ссылку в Сибирь.

— Надо бежать, — сказал Держинский своему товарищу.

— Как же отсюда убежишь? — спросил товарищ.

— Как-нибудь убежим, — сказал Держинский. — Вот смотри. Видишь, как по реке плывет бревно? Я бы с удовольствием уткнул отсюда хоть на такое бревно. Если мы не убежим сейчас, то дальше бежать будет просто невозможно. А тут мы достаем лодку и попадаем на лодке. Понятно?

— Попробуем, — сказал товарищ.

В этот день Держинский уговорил одного человека, чтобы он достал ему лодку. Лодку привязали к дереву, возле деревни. Ночью Держинский и его друг тихонько отворили окно, выскочили во двор и, стараясь не шуметь, поплыли мимо маленькой черныи к реке. На какое-то время двенадцать часов. Был такой густой туман, что дышать приходилось почти ошущю. Так дошли до берега. Нашли лодку, отвязали ее и отчалили.

— Только не шуми веслами, — сказал Держинский, — потихоньку греби.

Весла погружались в воду почти неслышно. Лодка плыла быстро, но туман сделался такой густой, что ни Держинский, ни его товарищ не видели друг друга.

— Даже неизвестно, куда мы плывем, — сказал Держинский. — Ты понимаешь, куда мы плывем?

— Нет, — сказал товарищ, — мне кажется, что мы крутимся на одном месте.

Лодка мчалась очень быстро и вдруг ударилась обо что-то с такой силой, что Держинский вывалился в воду. Товарищ вскрикнул. Держинский схватился за борт лодки, товарищ прогнулся ему на руку, но в эту секунду мелевоява лодка перевернулась и второй тоже оступился в воде. Несколько минут Держинский и его друг продержались у лодки, но лодка потонула. В темноте и в тумане Держинский начал плывущю по реке огромную сосну, ту самую, которая, вероятно, потонула их лодку.

— Держинский — крикнул он товарищу. — Это дерево, вероятно, и перевернуло нашу лодку, держись крепче!

— Да оно не плывет вовсе, — сказал товарищ. — Здесь близко берег, должно быть. Вот я ногой лодку достаю.

Возбродясь на морской ствол дерева и по стволу осторожно, на четвереньках, доплыл до какой-то земли.

— Это острог, — сказал Держинский, — тут кругом вода.

К утру, когда стало рассветать, товарищи увидели, что неподалеку по берегу реку едут крестьянские подводы. Держинский окликнул крестьян. Подводы, скрипя, остановились.

— Беда случилась! — закричал Держинский. — Мы купцы, разными товаром торгуем, да беда случилась: лодка наша потонула, и весь твой везет потонул. Помогите, добрые люди.

Неподалеку нашлась лодка, и крестьяне на этой лодке привели Держинского и его друга на берег.

Немного передохнув и обсушившись, Держинский и его спутник отправились в обратный путь. Они шли опять работать, бороться с царем и царскими жандармами, шли воевать с самодержавием.

В ссылке Держинского везли сто двадцать дней. Назад он добрался всего за семнадцать.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

(ИЗ РОМАНА «ТАКИМ БЫТЬ»)

Мы говорили о чем-то серьезном...

При нашей школе была столярная мастерская, и я работал в ней по вечерам. Как раз в ту пору мы получили большой заказ — на учебные пособия для сельских школ, и можно было хорошо заработать.

«Крестничество в послеоктябрьской литературе» было закончено. Я рассердился и написал сочинение в одну ночь. Но у меня были и другие долги, например немецкий, который я не любил. Словом, в конце полугодия мы с Катей Татарининой только раз собрались на каток и не катались! Лед был очень неровный: с утра на катке тренировались хоккейные команды. Мы только выпили чаю в буфете.

Я рассказал ей — очень кратко — о том, как мы жили в Эске. Катя удивилась, что у меня есть сестра.

— Как ее зовут?

— Тоже Саня.

Но еще больше она удивилась, когда узнала, что я ни разу не написал сестре с тех пор, как уехал из Эска.

— Сколько ей лет?

— Пятнадцать.

Катя посмотрела на меня с негодованием:

— Свинья!

Это действительно было свинство, и я поклялся, что напишу в Эске. Когда школу кончу, а сейчас — что же писать? Я уже принимался несколько раз. Ну, жив, здоров... Невинтересно.

Это была наша последняя встреча перед каникулами, потом снова занятия и занятия, чтение и чтение — я вставал в шесть утра и садился за «Самолестроение», а вечером работал в столярной, случалось, что и до поздней ночи...

Но вот кончился полугодие. Одиннадцать свободных дней! Первое, что я сделал, — позвонил Катюшке и пригласил ее в нашу школу на костюмированный бал.

Катя пришла довольно поздно, и я уже чуть было не побежал звонить ей по телефону. Она пришла замерзшая, красная, как буряк, и сразу, еще в раздевалке, побежала к печке, пока я сдавал ее пальто, и клялась.

— Вот так мороз, — сказала она и приложившись щекой к печке, — градусов двести!

Она была в синем бархатном платье с кружевным воротничком и над косой большой синий бант.

Удивительно, как шел к ней этот бант и синее платье и тоненькая королевская нитка на шее! Она была такая крепкая, здоровая и вместе с тем легкая и стройная. Словом, едва только мы с ней вошли в актовый зал, где уже начались танцы, как самые лучшие танцоры нашей школы побросали своих дам и побежали к ней. Вторые в жизни я пожелал, что не танцую. Но делать нечего! Я сделал вид, что мне все равно, и пошел к артистам, в уборные. Но там готовились к выступлению, и девочки выгнали меня вон. Я вернулся в зал, как стал в это время вальс кончиться. Я окликнул Катюшку. Мы уселся и сразу побтал.

— Кто это? — вдруг спросила она с ужасом.

Я посмотрел:

— Гай?

— Вон, рыжий.

Ничего особенного: это был только Ромашка. На мой взгляд, он сегодня был совсем не дурач. Но Катя смотрела на него с отвращением.

— Как ты не понимаешь, он просто страшный, — сказала она. — Ты привык к этому и не замечаешь. Он похож на Урию Гипа.

— На кого?

— На Урию Гипа.

Я притворился, что знаю, кто такой Урия Гип, и сказал многозначительно:

— А-а...

Но Катюшку провести мне не так-то просто!

— Эх ты, Диккенса не читал, — сказала она. — А еще считаешься развитым!

— Кто это считает, что я развитый?

— Все. Я как-то разговаривалась с одной девочкой из вашей школы, и она сказала: «Григорьев — яркая индивидуальность». Вот так индивидуальность! Диккенса не читал!

Я хотел объяснить ей, что Диккенса читал и только не читал про Урию Гипа, но в это время опять заиграл оркестр и наш учитель физкультуры, которого все звали просто Гоша, пригласил Катюшку и я опять остался один. На этот раз меня пустили к артистам и даже дали работу — загримировать одну девочку под равнина. Это была нелегкая задача. В жизни моей я не видел девочки, более не похожей на равнина! Я провозился с ней полчаса, а когда снова вернулся в зал, Катя все еще танцевала.

Кто-то нацелил мне на пуговицу номер: играла в потчу. Я сидел, как каторжник, с номером на груди и скучал. Вдруг мне пришли сразу два письма: «Довольно притворяться. Скажите аткреному, кто вам нравится. Пиши ответ № 140». Так и было написано: «аткреному». Другое было загадочное: «Григорьев — яркая индивидуальность, а Диккенса не читал». Я позвонил Катюшке. Она засмеялась, бросила своего кавалера и села рядом со мной.

— У вас весело, — сказала она, — только очень жарко. А что, теперь станешь учиться танцевать?

Я сказал, что не стану, и мы попили в наш класс — там было устроено что-то вроде фойе: по углам стояли буфаторские кресла, и лампочки были обернуты красной и синей бумагой. Мы сели на мою пару — последнюю в правой колонне. Не помню, о чем мы говорили, о чем-то серьезном, кажется, о говорившем кля. Катюшка сомневалась, а говорившем кля, и я в доказательство привел ей какие-то данные сравнительной быстроты звука и света.

Она была совершенно синия: над нами горела синия лампочка, — и, должно быть, потому и так осмелел. Мне давно хотелось поцеловать ее, еще когда она только что пришла, замерзшая, раскрасневшаяся и

приложилась к щеке щекой. Но тогда это было невозможно. А теперь, когда она была сияня, возможно. Я замочил на полуслове, закрыв глаза и поцеловал ее в шею.

Ого, как она рассердилась...
— Что это значит? — спросила она грозно.
Я молчал. У меня были сердце, и я боялся, что сейчас она скажет «мы знакомы» или что-нибудь в этом роде.

— Снисково какое! — сказала она с негодованием.
— Нет, не снисково, — возразил я растерянно.
С минуту мы молчали, а потом Катька попросила меня принести воды. Когда я вернулся с водой, она прочитала мне целую лекцию. Как дважды два она доказала, что я к ней равнодушен, что «это мне только кажется», и что если бы на ее месте в данную минуту была другая девушка, я бы и ее поцеловал.
— Ты просто стараешься себя в этом уверить, — сказала она убежденно, — а на самом деле — ничего подобного.

Она догадывалась, что я не хотел ее обидеть, — ведь верно жет! Но все-таки мне не следовало так поступать именно потому, что я только обманываю себя, а на самом деле ничего не чувствую...

— Никакой любви, — прибавила она, помолчав, и я почувствовал, что она покраснела.

Вместо ответа я взял ее руку и провел ею по своему лицу, по глазам. Она не отняла руки, и несколько минут мы сидели молча на моей парте, в полутемном классе. Мы сидели в классе, где меня спрашивали и «плавали», где я стоял у доски и решал теоремы, на моей парте, в которой еще лежали скончавшиеся тетрадки. Это было странно. Но как хорошо! Мне можно передать, как мне было хорошо в эту минуту!

Потом мне показалось, что кто-то громко дышит в ушко и обернувшись и увидел Ромашку. Мне знаю, почему он так громко дышал, но у него было необязательно подлый вид. Разумеется, он сразу понял, что мы заметили его. Он что-то пробормотал и пошел к нам с вялой улыбкой:

— Тригорьев, что ж ты меня не поздравил?!
Я встал. Должно быть, у меня был не особенно приветливый вид, потому что он испуганно заморгал и вышел. Это было довольно смешно, что он сразу так испугался. Мы оба прислули, и Катька сказала, что он похож на Уриэ Гипа, еще на сову, рыжую, с кривоносым носом и круглыми глазами. Она угадала: Ромашку в классе иногда дразили совы. Мы вернулись в зал.

Танцы уже кончились, и началось концертное отделение — отрывки из «Ревизора», которого репетировал наш школьный театр.

Мы сидели с Катькой в третьем ряду, но ничего не слышали. По крайней мере, я. По-моему, я она тоже. Я шепнул ей:

— Мы еще поговорим, хорошо?

Она серьезно посмотрела на меня и кивнула.

* * *

Это случилось со мной не в первый раз, что жизнь, которая шла одним путем, скажем, по прямой, вдруг делала крутой поворот и начиналась «обратно», «всплывала».

Вот как началось овературное поворот: мы с Катькой назначили свидание на Русейвара, у жестяной мастерской, — и она не пришла.

Все не ладилось в этот печальный день! Я удрал с шестого урока — это было глупо, потому что Лихо обещал после занятий раздать домашние сочинения. Мне хотелось обдумать эти разговоры, и где тут сидеть, если черне несколько минут я замерз, как собака, и где только и делал, что зверски топая ногами и хватался за нос да за уши.

Прошел уже целый час. Тихо было в переулке, только маленький и носатый жестяник несколько раз выходил из своей мастерской и смотрел на меня с пугливым, подозрительным видом. Я повернулся к нему спиной, но это, кажется, только усилило его подозрения. Я перешел на другую сторону, а он все стоял у порога в клубок пара, как бог на потопке зинского собора. Пришлось спуститься вниз, к Тверской... Уже пообедали, когда я вернулся в школу. Я пошел на кухню — потрещать — и получил от повара нагоняй и тарелку теплой картошки. Мне сочинение Лихо отдал Ромашке.

Я был расстроен и поэтому не обратил внимания на то, с какими волнениями встретил меня Ромашка. Он просто заветерлся, когда я вошел в библиотеку, где мы обычно собирались учить уроки.
— Вот Лихосел, так Лихосел, — сказал он заносчиво. — На этом месте я бы пожаловался.

Я переделал свою работу. Вдоль каждой страницы шла красная черта, а в конце было написано: «Идеальное. Чрезвычайно слабое».

Я равнодушно сказал: «Дуррак», — заложил тетрадь и вышел.

1 Фигуры вешнего школьника.

Ромашка побежал за мной. Удивительно, как он юлил сегодня, забегая вперед, заглядывая мне в лицо! Должно быть, он был рад, что я так сел со своим сочинением. Мне я в голову не приходила истинная причина его поведения.

На другой день после завтрака я позвонил Кате — и неудачно.

Подождал ее отец, Николай Антоныч:
— Кто ее спрашивает?
— Ее знакомый.
— А имени?
Я молчал.
— Ну-с?

Я повесил трубку...
Ровно через час после этого разговора я был вызван к Короблеву, нашему любимому учителю.

Давно я не видел его таким сердитым. Опустив голову, он ходил по комнате, а когда я вошел, посторонился с каким-то отращиванием.

— Вот что! — у него сурово вздрогнули усы. — Хорошие сведения о тебе! Приятно слышать!

— Иван Павлыч, — вдруг сказала я. — Вы давно были у Татариновых?

— А что?

— Ничего.
Короблев посмотрел мне прямо в глаза.

— Ну, брат, — спокойно сказал он. — Сидишь и рассказываешь. Только, чур, не врать!

И родной матери я не рассказывал бы о том, что влюбился в Катю Татариную и думал о ней целую ночь. Это было невозможно. Но мне давно хотелось рассказать Короблеву о переменах в доме Татариновых, о временах, которые так не поворачивались мне.

Он слушал меня, рассказывая из угла в угол. Время от времени он останавливался и оглядывался с печальным выражением. Вообщее мой рассказ, кажется, расстроил его. Один раз он даже встал с места, но сразу же спохватился и сидел вновь, что гадит себя по лбу.

— Хорошо, — сказал он, когда я попросил его позвонить к Татариновым и высказать, в чем дело. — Я сделаю это. А ты зажди через час.

— Иван Павлыч, через полчаса! Он усмехнулся печально и добродушно...

Я провел эти полчаса в актовом зале. Паркет в актовом зале выложен елочкой, и когда я шел от окон к дверям, темные полоски казались светлыми, а светлые — темными. Солнце светило во всю, у широких окон медленно кружились пылинки. Так все хорошо! И как плохо!

Когда я вернулся, Короблев сидел на диване и курил.

— Ну, брат, напрасно ты просил меня звонить, — сказал он. — Я теперь знаю все твои тайны.

— Какие тайны?

Он посмотрел на меня — как будто впервые увидел.
— Только нужно уметь их хранить, — продолжал он. — А ты не умеешь. Сегодня, например, ты ухаживаешь за кем-нибудь, а завтра об этом знает все школа. И хорошо еще, если только школа...

Должно быть, у меня был очень глупый вид, потому что Короблев несколько усмехнулся, Впрочем, едва заметно. По меньшей мере, двадцать мыслей сразу пронеслись в моей голове: «Что это натрещал? Ромашка? Я его убью! Так вот почему Катька не пришла!»

— Иван Павлыч, я ее люблю, — сказал я твердо.

Он развел руками.

— Мне все равно, пускай об этом говорит все школа!

— Ну, школа-то, пожалуй, — сказал Короблев. — Но вот что горюет ее родные, — это тебе не все равно, не правда ли?

— Нет, тоже все равно, — возразил я с жаром.

— Позволь, позволь... Значит, что же? Ты собираешься жениться?

Я ничего не ответил.

— Это никого не касается!

— Разумеется, — поспешно сказал Короблев. — Но, понимаешь, я боюсь, что это не так просто! Нужно все-таки и Катю спросить. Может быть, она еще и не собралась замуж. Во всяком случае, придется подождать, пока она не вернется из Энск.

— А, сказал я очень спокойно. — Они отправляли ее в Энск?

Прекрасно!

* * *

...Уйти Ромашку! Я ни минуты не сомневался в том, что он это сделал. Кто же еще! Он сидел в фойе и видел, как поцеловал Катьку.

В спальне было человек десять, когда я вошел, и, между прочим, Тania Величко — девочка из нашего класса.

Все было занято — кто чтением, кто разговором. Никто не обращал внимания на Ромашку, который стоял на коленях у моей кровати и рыдал в моем судушке.

Крова бросилась мне в голову, но я подошел к нему ровными шагами и спросил ровным голосом:

— Что ты ищешь, Ромашка?

Он испуганно поднял на меня глаза, и как я ни был взыволющ, однако заметил, что в эту минуту он необъяснимо похолод на сову: удивительно бледный, с красными большими ушами.

— Катных писем? — продолжал я. — Хочешь передать их Николаю Антоному? Вот они! Получай!

И я сразу же ударил его ногой в лопатку.

Все это было сказано тихим голосом, и поэтому никто не ожидал, что я его ударю. Кажется, я двинул его еще два или три раза. Я бы убил его, если бы не Тania Величко. Пока мальчики стояли, разинув рты, она смело бросилась между нами, вцепилась в меня и оттолкнула с такой силой, что я невольно сел на кровать.

— Ты с ума сошел?

Словно какой-то туман я увидел ее лицо и понял, что она смотрит на меня с отвращением. Я опомнился.

— Ребята, я вам все обрисую, — сказала я нетерпеливо.

Но они молчали. Ромашка лежал на полу, закрыв голову и тоже молчал. На щеке у него был синий кровоподтек. Я взял судушочек и вышел...

* * *

Впервые в жизни я ехал по железной дороге с железнодорожным билетом. Я мог сидеть у окна, разговаривать с соседями, курить, если бы я вообще курил! Под мерный стук колес я думал теперь об Эниске — о сестре, о тете Даше, о том, как я свалился к ним, как сиел на голову, и как они меня не узнают!

Как хорошо вернуться в родной город после восьмилетней разлуки! Все знакомо, и все незнакомо!

И быстро шел и на каждом шагу то узнавал старое, то поражался переизменам.

Через полчаса я был на Гоголевской улице, у дома Маркузе, где, как мне сказали, живет судья Сквородникова.

Мне открыла девушка лет шестнадцати в синем филеновом платье, гладко причесанная, с примами проборм, и смуглая. Смуглая — это меня обидело.

— Здесь живут Сквородничковы?

— Да.

— А... Дарья Гавриловна дома?

— Она скоро придет, — ответила девушка, улыбаясь и разглядывая меня с любопытством.

Она улыбалась совершенно как Саня, но Саня была светлая, с выходящими волосами и с голубыми глазами. Нет, не Саня!

— Можно подождать?

— Пожалуйста.

Надо полагать, что я осматривался с довольно глупым, радостным выражением, потому что девушка глядела на меня во все глаза. Барут она наклонила голову и высоко подняла брови — совершенно как мать. Я понял, что это все-таки Саня.

— Саня? — сказала я не очень уверенно.

Она удивилась.

— Да.

— Постой, ты же была бледная, — продолжал я дрожащим голосом. — В чем дело? Когда мы жили в деревне, ты была совершенно бледная. А теперь стала какая-то черная!

Она остолбелела, даже открыла рот:

— В какой деревне?

— Когда умер отец, — сказала я и засмеялся. — Эх ты, забыла. Ведь я забыл! И меня не поминишь.

Язык у меня немного заплетался, должно быть, от радости. Ведь я все-таки очень любил ее и восемь лет не видел и она была так похожа на мать.

— Саня? — сказала она, наконец. — Господи! Да ведь мы думали, что ты давно умер!

Она обняла меня.

— Саня. Саня. Неужели это ты? И тети Дашки нет? Да садись же, что ты стоишь? Откуда ты? Когда приехал?

Мы сели рядом, но она сейчас же вскочила и побежала в переднюю ко мне судушочком.

— Да поводи же! Куда ты? Скажи хоть, как ты живешь? Как тети Дашка?

— А ты-то как? Почему не написал ни разу? Ведь мы искали тебя! Даже давали объявления в газетах!

— Не читал, — сказал я с раскаянием.

Только теперь я в полной мере оценил, что это была за подлость: забыть о том, что у меня такая сестра! И такая чудная теть Даша, которой никогда было даже сказать, что я вернулся, потому что она могла умереть от радости, как мне только что заявила Саня.

Мы все спрашивали и перебивали друг друга и снова спрашивали. Потом Саня убежала в кухню, но я пошел за ней и сказал, что мне без нее скучно. Это была святая правда: без нее мне сразу стало скучно.

Мы поставили самовар, застелили плиту, а потом прозвенел глухой колокольчик и передал:

— Тети Даша!

— Ты слышишь сердце, — сказала шопотом Саня, — а я ее подготовлю. Правда, у нее очень адежде плохое...

Она вышла, и вот я услышал в соседней комнате такой разговор:

— Тети Даша, ты, пожалуйста, не волнуйся! У меня очень хорошая новость, так что ты должна не волноваться, а наоборот.

— Ну, говори, коза!

— Тети Даша, ты сегодня пироги раздумала ставить, а придется!

— Петя приехал?

— Петя-то Петя, да не совсем. Тети Даша, не волнуешься?

— Нет.

— Честное слово?

— Фу ты! Ну, честное слово!

— Кто приехал! — и Саня открыла дверь на кухню.

Замечательно, что тети Даша узнала меня с первого взгляда.

— Саня, — тихо сказала она.

Она обняла меня. Потом села и закрыла глаза. Я взял ее руку.

— Голубчик ты мой! Да ты ли это?

— Я, тети Даша.

— Да не во сне ли я?

— Нет, тети Даша.

Но тети Даша, кажется, не поверила мне, потому что снова закрыла глаза, как будто и точно уснула.

— Голубчик ты мой! Жив? Да где же ты был? Ведь мы тебя по всему свету искали!

— Знаю, тети Даша, это я виноват.

— Виноват! Господи! Приехал и еще говорит: виноват! Милый ты мой! Да какой же ты молодец стал! Какой красавец!

Тете Даше я всегда казался красавцем...

Что еще вспомнить, что мне рассказало об этой незабываемой встрече? Разве что тети Даша вдруг вскочила на полуосле и сказала Сане шопотом, с ужасным выражением: «Не накормили?» — что я со смеху поклялся, увидев заваленный всякой едой стол и услышал, что это называется «закусить перед обедом».

С этой минуты я, кажется, только и делал, что ел. Рассказывал и ел. Потом тети Даша объявила, что я усталый, и пришлось влезть в ванну и вымыться три раза. Так прошел день.

К вечеру, намылившись и обшившись, я сидел в столовой, а Саня и тети Даша сидели по правую и левую руку и смотрели на меня с такой любовью, что мне было советнее, честное слово! Потом пришел сосед. Он знал, что я вернулся: Саня звонила ему по телефону.

— Ну, блудный сын, — сказал он и обнял меня. — И не боишься, что я тебе голову сниму? Ах ты, прохвост!

Что я мог сказать в свое оправдание? Это только крикнул с раскаянием.

Поздней ночью мы с ним остались одни. Старик желал знать, что я делал и как жил с тех пор, как уехал из Эниска. Точно, как судья, он строго спрашивал о всех моих делах, школьных и личных. Я сказал, что хочу быть летчиком, и он замолчал, налолто уставив на меня из-под густых бровей с длинными копилками волосами.

— Военным летчиком.

— Поляриям. А придется — военным.

Он еще помолчал.

Опасное, но замечательное, интересное дело, — сказала он.

Только одного и ему не рассказав, что приехал в Эниск вслед за Катей. У меня язык же повернулся объявить ему, что если бы не Катя, быть может, еще не мало времени прошло, прежде чем я вернулся бы в родной город, в родной дом.

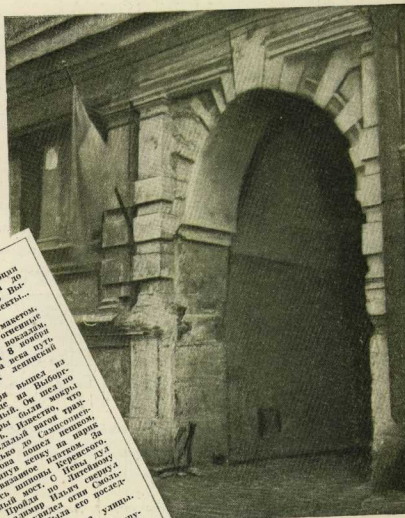

Дорога расе

У ворот дома № 11 по Качачьему переулку в ночь с 20 на 21 декабря (по новому стилю) 1895 года Владимир Ильич Ленин, возвращаясь домой, был внезапно схвачен полицией и втянут под арку.

Через двадцать два года, в ночь с 7 на 8 ноября (по новому стилю) 1917 года, пройдя под аркой Главного штаба, красноварейские отряды штурмом взяли Зимний дворец. Вот о чем могут рассказать эти две арки

В одной из зал Ленинградского Музея революции неслыханная история. От живописного зала до борисской стороны протянулся длинный коридор. Мозаика красной кирпичной кладки, выложенная в 1917 году, украшена вышитыми изображениями Ленина и Сталина. В центре зала, на 8 ноября, открылся музей. В этот день Ленинградский музей революции открылся. В этот день Ленинградский музей революции открылся. В этот день Ленинградский музей революции открылся.

Ленин вернулся в Питер после трехмесячного отсутствия. Он поселился на Срдобольской улице, в доме № 1/92, квартире 20, под именем Константина Петровича Иванова. Ильич перед тем потребовал встречи с товарищем Сталиным. Поздно вечером 21 октября Ленин вышел из дому и зашел по Выборгскому шоссе к Озеркам. Владимир Ильич вошел в ворота дома № 14 и направился в квартиру рабочего-большевика. Владимир Ильич Ленин встретился с Носифом Инсаровичем в холле подпоковки вооруженного восстания. Беседа затянулась далеко за полночь. Стрелка указывает на дом, где произошла эта встреча.

Вечером 20 октября (по новому стилю) 1917 года поезда из Выборга поехали к Петеру. На пригородной станции Фанляндской железной дороги — на вагонах вышли единственные пассажиры. Стена за окнами была темной. Корпус большого дома. Наследники Выборгского поезда направились к этому был Ленин.

Называет...

В эти комнаты жил Владимир Ильич Ленин о дни предшествующие Великой Октябрьской социалистической революции (комната слева) и в первые дни после Октябрьской революции (комната справа).

У стола, на котором горела керосиновая лампа и оставался стакан чая, пролежал Ленин почти все свое время с 20 октября по 6 ноября. «Советы постороннего — разбитый план вооруженного восстания — были навязаны за спиной. Здесь, узнав о гнусном предательстве Каменева и Зиновьева, Владимир буржуазии план вооруженного восстания, написав Ленин гневное письмо

членам партии большевиков, в котором требовал исключения предателей из партии. Здесь же за несколько часов до ухода в Смольный написал Владимир Ильич письмо, направленное против Троцкого, пытавшегося сорвать вооруженное восстание.

В 11 часов 10 минут вечера 6 ноября «Константин Петрович Иванов покинул квартиру № 26».

Через день он переехал на жительство в другую квартиру, по Херсонской улице, дом № 5. 7. Квартира 9. В домашней книге новых постояльцев был прописан уже под своим настоящим именем — Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Этот день был первым днем Советской республики.

Квартиры на Сердобольской и Херсонской улицах превращены сейчас в музеи.

В. И. Ленин, И. В. Сталин и Л. М. Каганович беседуют с фронтовиками.
Июль 1917 г. Рисунок П. Васильева.

В этой комнате, на Петроградской стороне по Карповке, дом 32, квартира 31, происходило историческое заседание ЦК РСФСР (большевиков) с участием товарищей Ленина и Сталина. 23 (16) октября 1917 года на этом заседании принята была резолюция о вооруженном восстании, написанная Лениным.

ЛЕНИН О МОРАЛЬНОМ ОБЛИКЕ МОЛОДЕЖИ

Контрреволюционная буржуазия в своей борьбе против социализма всегда прибегала к самой изощренной и разнузданной клевете. Нет такой гнусности, которую бы буржуазия и ее прислужники не постарались испустить в ход для того, чтобы очернить и представить в превратном виде истинные цели и идеалы коммунистов!

К числу таких возмутительных и грязных выдумок о коммунистах принадлежат утверждение о том, что коммунисты якобы не признают нравственности, не признают морали.

Это клеветническое измышление нужно врагам коммунизма для того, чтобы сблизить с верного пути неустойчивых людей, разложить их и под «революционный» флаг насадить буржуазные нравы, буржуазную анархическую распушенность.

Разумеется, ничего общего с марксизмом-ленинизмом отрицание коммунистической морали не имеет.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин высказывали как бесспорно истинные и в высшей степени блестящие вещи о «вечной» нравственности, которыми буржуазия лицемерно прикрывает свои, отнюдь не безгрешные дела и делишки.

Марксисты утверждают, писал Энгельс в «Анти-Дюринге», что все существование до сих пор системы морали являлись продуктом, в последнем счете, соответствующего экономического положения общества. А так как общество до сих пор развалилось в классовых противоречиях, то и мораль была моралью классово-враждебной; она или оправдывала господство и интересы господствующего класса или же отражала возмущение угнетенного, но недостаточно окрепшего уже класса против этого господства и защищала будущие интересы угнетенных¹.

Развивая учение Маркса — Энгельса в условиях уже победившей социалистической революции, Ленин на III съезде РКПМ говорил:

«Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменить понятия, бросить несомкнутый камень в грязь буржуазной и крестьянской...

Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатационного труда»².

Отвергая лицемерную буржуазную мораль, маскирующую двухспасительными разговорами грязную корысть денежного мешка и самое обыкновенное мешанское туловище, Ленин отстаивал моральную чистоту, моральную незыблемость революционера — строителя классовой, социалистической общности. Социалистическая революция требует от

своих работников высоких моральных качеств: сознательности, инициативы, самостоятельности, настойчивости, негнбимой твердости в борьбе с врагами.

Подлинно отеческую заботу проявлял Ленин о молодежи, о правильно, большевистском ее воспитании.

Ленин указывал на огромное значение, которое имеет для воспитания молодежи «честное, коммунистическое отношение ее к труду». «Надо», — говорил он, — чтобы Союз коммунистической молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати лет, в сознательном и дисциплинированном труде»³.

Тот, кто нерадиво относится к выполнению

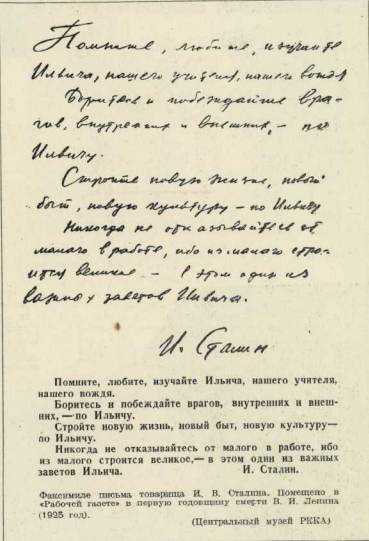
борьбе с злоупотреблениями в этом деле, покаывает, что эти положения Владимира Ильича прочно вошли в сознание миллионов советских людей. Советский народ обрел новый подход против лодырей, летунов, рабцев. Любители позвизжать за государственными счетами дезорганизаторы производства, имеюся и среди молодежи, и борьба с ними, борьба за дисциплину труда, является одной из важнейших задач комсомола.

Исключительную ценность представляют мысли о моральном облике молодежи, высказанные Владимиром Ильичем в беседе с великой немецкой коммунисткой Кларой Цеткин. Советская молодежь должна быть искренно признательна Кларе Цеткин за то, что она сохранила в своих записках драгоценные ленинские мысли для грядущих поколений.

Ленин в этой беседе резко обрушился на прелестную «теорию» о том, что в коммунистическом обществе удовлетворить все личные стремления будет так же просто, как выпить стакан воды. Коммунизм, говорил Ленин, несет с собой не аскетизм, а жизнеспособность и бодрость, а наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно...

...Революция требует от масс, от личности сосредоточения, напряжения сил. Она не терпит органистических состояний, вроде тех, которые обычны для людей, которые привыкли к терпению Д'Анжю. Недержание в половой жизни — буржуазия: она признак разложения. Пролетариат — высокоопыленный, человек оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой недержанности, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и нарваестве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужна ясность, ясность и еще раз — ясность. Поэтому, повторю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина — не рабство; оно необходимо и в любви. Но простите, Кларочка! Я далеко отклонился от исходной точки нашего разговора. Отчего вы не призвали меня к порядку? Тревога меня заставила заговориться. Будущее нашей молодежи меня глубоко волнует. Она — часть революции. И если в ближайшее время буржуазия начнет распространяться и на мир революции, как широко разветвляющиеся корни некоторых растений, то лучше выступить против этого заблаговременно»⁴.

Недержанность в быту, в личной жизни опасна для революции и прежде всего для самой молодежи. Недержанность эта, по исчерпанности точному определению Ленина, буржуазия: она признак разложения. История ре-

Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя.

Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних... по Ильичу.

Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру — по Ильичу.

Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое... в И. Сталин.

Фаворские письма товарища И. В. Сталина. Помещено в «Рабочей газете» в первую годовщину смерти И. В. Ленина (1925 год).

(Центральный музей РКП)

своих трудовых обязанностей в социалистическом государстве и стремится денег с «него сорвать побольше, а работа «ему» дать поменьше... тот заражен буржуазной психологией, тот — сознает он это или не сознает — придерживается привычек и традиций капиталистического общества.

Всегородное одобрение, которым было встречено постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВКП(с) «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, удлинению практики государственного социального страхования и

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 94.
² Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 406—410, 413.

³ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 417.

⁴ Клара Цеткин «Воспоминания о Ленине», стр. 78—79. Партиздат, М. 1933.

волюционного движения говорит нам о том, что с проповедью «свободной любви», с оправданием разгула и разврата всегда выстали гитлеры, варшавляне, изменники народа и революция элементу. Но особо яркими проповедниками и распространителями этой буржуазной заразы стала троцкистско-бухаринская фашистская нечисть.

Немного более чем год назад, на IV пленуме ЦК ВЛКСМ, были вскрыты особые методы подрывной работы врагов народа среди молодежи.

Троцкистско-бухаринские и буржуазно-фашистские агенты фашизма — растленные негодяи, столь же отвратительные в быту, как и в политике — старались спавать комсомольцев, чтобы поймать в свои сети неустроенных в морально-бытовом отношении комсомольских работников. А для прикрытия этой омерзительной «работы» распространялась вредная, антибольшевистская, антиленинская теория, будто быг — личное, частное дело, не входящее якобы отношения к политике.

Под руководством Центрального Комитета партии и лично товарища Сталина эта дрянная «теория» была разбита. Ясно и отчетливо доказано, что быг неотделим от политики.

Враги народа, пролезшие к руководству в ЦК ВЛКСМ и в отдельных областных комитетах комсомола, с помощью партии были разоблачены. Решения VII пленума ЦК ВЛКСМ положили начало огромной работе по очистке рядов Ленинско-Сталинского комсомола от врагов и двуручников, от сивыхших элементов, от политически и морально разложившихся и сомнительных людей.

Честное отношение к своим обязанностям революционера — основа ленинско-Сталинского типа работы. Каждый стремится стать каждый честный гражданин Советского Союза, предподлагает неустанную работу над собой, над своим теоретическим вооружением. Честность, сознательность, идеальность, непримиримость к рабству — качества, которые должны быть присущи каждому комсомольцу, каждому молодому рабочему, колхознику, интеллигенту. Но можно ли вверять говорить об идеальности, о чести человека в голове, если в нем имеются лишь сумбур и путаница? Известно, что часть наших кадров (в том числе и комсомольских кадров) склонялась политически и стала добывать фашистских разведок вследствие своей слабой марксистско-ленинской закалки, вследствие своего теоретического невежества. Вот почему овладение большевизмом, изучение марксистско-ленинизма, работа над поднятием своего культурного уровня — до а г каждого советского молодого человека.

Владимир Ильич беспощадно выисывал болтунов и верхоглядов, наплевательски относившихся к учебе. «Если я знаю, что знаю мало», — говорил Ленин, — я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист, и что ему и знать ничего не надо проного, то ничего похороже на коммуниста из него не выйдет.

Партия большевиков, товарищ Сталин дали нам замечательное пособие по овладению марксистско-ленинизмом — «Историю Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». И сегодня невозможно представить комсомольского активиста, первого секретаря ячейки советской молодежи, который не изучал бы по-своему историю партии, не работал бы самостоятельно над произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Полные агенты фашизма пытались и пытаются отравлять молодежь от партии большевиков, поощряя среди молодежи неверие в дело Ленина — Сталина, в дело коммунизма. Но враги прощалисься.

Изюгиза из комсомольских организаций вражеское охватие, беспощадно расправляясь с врагами народа, их покрывала, и посябывая на честь советской молодежи, а еще — большим упорством, чем до сих пор, будет работать над тем, чтобы воспитать из себя людей смелых, мужественных, волевых, людей образованных, принципиальных, теоретически подготовленных людей, отличительной чертой которых является «ясность цели, настоятельность в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все а всякие препятствия» (Сталин).

Радиограмма

С. „СЕДОВА“

Героическое плавание ледокольного парохода «Седов» во главе Центрального ледокольного батальона началось в конце 1937 года. На борту «Седова» — пятьдесят пять наших советских патриотов, мужественно несущих трудную и опасную вахту во льдах Арктики.

Батальон дрейфующего ледокола тов. Валентина Коммунист, воспитанник Ленинского комсомола. Еще несколько лет назад, по призыву комсомола, он пошел матросом на завод «Красный». Научную работу за «Седов» возглавляет комсомолец-студент Гидротехнического института тов. Будничий, Механик, радист, доктор, повар — весь экипаж ледокола представляет собой лучший коллектив научных и инженерных специалистов.

В первой радиопередаче дрейфа, 23 октября 1938 года, седовцы получили радиоответ

и ионизирующую радиограмму из Москвы. По поручению ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ ЦСР тов. И. Сталин и В. Молотов послали экипажу ледокола, бездельно приветствие. Оно было адресовано капитану Бадигину и парторгу Трофимову:

«В голодную дрейфа плывем вам и всею экипажу «Седова» горячий привет. Уверены, что с большевизмом и трудностью советских путей и вернется на родину победоносный.

Улом наши руки, товарищи!»
Нашу первую радиопередачу «Седов» получила по радио с дрейфующим ледоколом «Седов». Низко мы печатаем радиограмму за писателя-исследователя тов. Валентина, полученную нами 25 декабря 1938 года.

Ледокольный пароход «Седов» уже воссинадять месяце находится во льдах Арктики, из них четырнадцать — в поларном дрейфе. Второй раз экипаж «Седова» готовится к встрече нового года среди необъятной ледяной пустыни за тысячами дальних километров от родины.

Ночь на 1 января прошлого года памятна седовцам яростным наступлением льдов. Новый год мы встречали на льду при свете фонарей, освещающих вершины светом льдов, борющихся с разбухавшей стихией. Сильные взрывы аммонала, заглушавшие хаотические звуки торшания, служили как бы своеобразным салютом новому году. Этим взрывам седовцы старались предохрани судно от сильных напоров полярного льда.

Вот несколько строк из вахтенного журнала «Седова» в ночь на 1 января 1938 года: «Сильное сжатие льдов с правого борта судна. Вызваны на лед команда и экспедиционный состав для спасения находящихся на льду лавстрелов от наступающего льда. Гряда торшящегося льда высотой до четырех метров подошла к борту. Судно непримиримо испытывает сильные толчки от нажимающего с большой силой льда».

Также записи, сделанные скрупным языком, часто встречаются в вахтенных журналах «Седова». Перечитывая их снова, вспоминаешь один эпизод за другим, вспоминая все до мельчайших подробностей, как будто все это было только вчера.

Если бы меня спросили о самом значительном достижении в нашем дрейфе, о самом крупном успехе в нашей работе, я бы ответил: «У нас крепкий, дружный коллектив, способный перенести все трудности дрейфа, постоянная взаимная поддержка, высокая дисциплинированность, сознание высокой почетной ответственности советского человека в Арктике».

Такой дружный коллектив преданных партии и правительству советских патриотов, спаянных любовью к родине, может с уверенностью заявить об успешном стихайской работе в 1939 году и победном завершении всех заданий, связанных с нашим дрейфом.

Новый, 1939 год мы будем встречать вместе со всеми трудящимися нашей не обитной родины. Вместе со всем великим советским народом мы произнесем первый тост в честь любимого мудрого Сталина, сделавшего нас счастливыми и небедными. Второй тост — за нашу любимую родину, за весь многонациональный народ Советского Союза, идущий все к новым и новым победам.

Заканчивая свою радиограмму, прошу редактора передать сердечный комсомольский привет читателям журнала «Смена» и самые лучшие пожелания в новом, 1939 году.

Капитан ледокола «Седов»

К. БАДИГИН

МАСТЕРА

«карманной артиллерии»

75 МЕТРОВ
80 САНТИМЕТРОВ

В 1925 году боец Кавказской Краснознаменной армии, ныне заслуженный мастер спорта СССР, Иван Сергеев установил мировой рекорд дальности броска гранаты. Было это на стадионе в Сокольниках в присутствии славного пролетарского полководца Михаила Васильевича Фрунзе.

Никто не ожидал, что граната пролетит дальше 70 метров. Когда же она, куваркаясь в воздухе и поднявшись выше вековых сосен, перелетела футбольные ворота на противоположном конце поля, на трибунах начался перешедок. Люди вскакивали со своих мест, шаркались в стороны...

Судьи измерили расстояние и сообщили:
— 75 метров 80 сантиметров. Мировой рекорд американка Томсона — 74 метра 92 сантиметра — побит!

Сейчас в нашей стране не менее сотни спортсменов метают «боевые молнии» дальше 70 метров. Три мастера спорта — товарищи Арбузинов, Антипин и Шеданов сбрасывают гранаты на 80—90 метров. Но дальность броска не является основным в искусстве гранатометания.

Дальность не всегда сочетается с меткостью. Поэтому спортсмены усиленно работают над точностью дальности бросков с меткостью попадания. Все чаще устраиваются массовые соревнования, на которых гранаты метают стои, с колена, лежа и делая ими в искусственные окопы, околы, коридоры.

Важно оборонное значение гранаты. Каждая граната должна поражать возможно большее число противников. Добиться этого не так просто, как кажется.

БАТАРЕЯ «КАРМАННОЙ АРТИЛЛЕРИИ»

Ручная граната разрывается на множество убойных осколков. Опыт последних войн показывает, что почти каждая атака сопровождается массовым гранатометанием. Атакующие подпадают гранатами очевидцы точки врага, всегда облегчают наступление, помогают завоевать победу «малой кровью».

Когда во время боя на озере Хасан взвод товарища Барниова сблизился с самурами на дистанции атаки, захватчики открыли такой бешеный огонь, что невозможно было подняться голом. Бендэты пользовались тем, что советские орудия из опасения поразить атакующих красноармейцев прекратили обстрел. Но тут вступила в бой взводная «батарея карманной артиллерии» — тройка лучших гранатометчиков, товарищи Старостин, Комаровский и Лужков. Сделавшая подвиги японским окопам и так метко забросала врага гранатами, что огонь сразу заметно ослабел. Введя немедленно в атаку, ворвался в японские окопы и разгромил противника.

С помощью ручных гранат 15 красноармейцев под командой командой Какина атаковали и уничтожили 50 самуров.

ВЗРЫВ СРЕДИ НИЧИ

В апреле 1938 года по крутым, поросшим густым кустарником склонам батальон молодого командира испанской республиканской армии Герреро шел занимать позицию на вершине горы «Вершце Рея». Неожиданно на фоне ночного неба появились силуэты фашистских солдат.

— Гранаты к бою, за мной! — командовал Герреро, ринулся вперед, и через мин гора стала полونا на дуэкан; бесчисленные разрывы ручных гранат слились в одно сплошное зарево.

Бой длился всего несколько минут. Две роты итальянской дивизии «Лигурия» были почти полностью уничтожены. Кроме пленных республиканцы захватили большое количество винтовок и боеприпасов.

СКВОЗЬ ПРОЛОМАННУЮ СТЕНУ

Испанский городок Бельчине слышали своими ушами улицами и домами, темно прижавшись друг к другу. Когда республиканцы городок, этот городок, ушедшие фашистские отряды засели в зданиях и стали поливать улицы ружейно-пулеметными огнем. Пришлось выбивать врага гранатами. Бойцы подражалась к окнам, к дверям и метали в них «боевые молнии». Наиболее ловкие попадали в окна вторых и третьих этажей. Были случаи, когда бой гранатами шел внутри зданий, из квартиры в квартиру.

Но не всегда удавалось подойти к укрепленному дому. Республиканцы применили другой способ. Они проламывали проходы в стенах соседних домов, бросали гранаты сквозь эти бреши и таким образом осыпали город от фашистов.

ПРОТИВ СТАЛЬНЫХ ЧУДОВИЩ

Кто не помнит замечательных кадров из кинофильма «Мир из Кронштадта», когда бесстрашный матрос, координировавший связкой «боевых молний», вступал в единоборство с танком и заставлял останиться стальное чудовище? А войны в Китае и в Испании? Сколько смелых «поглотителей танков» провалилось в борьбе с интервенцией! Астудейские горняки-динамиты напали на фашистов паническим страхом своими самодельными «жестяками».

Боец должен уметь не только бросать гранаты. Важнейшее боевое качество — умение обороняться от гранат врага.

ГРАНАТА ЛЕТИТ ОБРАТНО

Как же обороняться от «боевых молний» противника?

Граната летит довольно медленно. Полет ее хорошо виден. Разрыв на расстоянии нескольких метров не поражает лежащего, а тем более окопавшегося человека. Гранаты, примененные японцами в бою у Хасана, далеко не всегда разрывались в момент падения, и от них много было легко отбоять.

Но все это, пассивные приемы сопротивления. Гораздо выгоднее сопротивляться активно, заставляя гранаты противника лететь обратно. Такое именно сопротивление и оказала врагу наша славная бойца и командира-дальнострелочника у озера-Хасан.

Лейтенант Галимов иловался на лету дойти гранаты японцев и метать их обратно. Он отбил японские гранаты лопатой, как мячи теннисной ракеткой.

Младшие командиры Игнатулин и Желбовский, не прекращая огня из пулемета, успешно выбрасывали из окопа окопа все вражеские снаряды. На высоте «588» красноармейцы отбрасывали назад большинство ручных гранат противника.

ДВА СОВЕТА

Метание гранат становится любимым спортивным упражнением наших физкультурников. Оно входит обязательной нормой в комплексы «Готов к труду и обороне». Во всех устоявшихся спортивных подгруппах. Должна появиться массовая общая спортивная подготовка. Должна появиться массовая общая спортивная подготовка. Должна появиться массовая обща

Чтобы научиться бросать гранату, необходимо прежде всего общая спортивная подготовка. Должна появиться массовая обща

Хороший спортсмен полностью использует при броске и силу ног, и силу спины, и силу грудных мышц, и силу брюшного пресса. Даже сила пальцев играет немалую роль. Чемпионы, чтобы увеличить длину рычага, держат гранату только четырьмя пальцами, подкладывая мизинец под рукоятку.

Многие новички стремятся сразу бросать гранату срабегу. Этого делать не следует. Надо хорошо изучить все детали метание гранаты с места. Тем легче и быстрее можно научиться метать гранату срабегу. Это совет заслуженного мастера спорта И. Сергеева.

И ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ РУКОЮ

Нет ничего хуже одностороннего развития. Чемпион по плаванию или по бегу, никогда не бравший в руки гранату, будет таким же неполноценным бойцом, как хороший гранатометчик, не умеющий правой и бегать. Гранату надо научиться бросать и правой и левой рукой. Такой навык может непосредственно пригодиться в боевой обстановке.

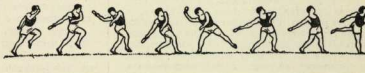
Защищая родную землю, один из героев Хасана, комсомолец Дементов, бросаясь в атаку с гранатами в обеих руках и, если противник, бросив гранату, сбился с пути, метая гранаты в руку красноармейцы не покидали строя, а продолжали метать гранаты здоровой рукой.

Враги, оказавшись около времени в военных, освоивших тактику и спортивную организацию, всегда ослабят мощь нашей карманной артиллерии. Они видо всех сил тормозили обучение населения гранатометанию.

Враг просчитался.

Новое «Наставление Красной Армии по рукопашному бою» говорит, что «лучшие приемы гранатометания на разных различных положений и по самым различным целям является основой подготовки к ближнему бою для бойцов и командиров всех родов войск.

«Боевые молнии» хорошо послужат нам в борьбе с фашистскими революцией, в годы гражданской войны, в бою с фашистами. Они еще не раз помогут нам побеждать в борьбе за мир, за дело партии Ленина — Сталина, за коммунизм.

Так бросает срабегу гранату заслуженный мастер спорта Иван Сергеев. В 1925 году, метая гранату на 75,8 метра, он открыл почти на метр результат американца Томсона и завоевал для нашей родины первый мировой рекорд.

поворот «темо-шпунг», когда полный вес лыжника перенесен вперед.—этот поворот позволяет легко разворачиваться в самых трудных условиях.

Знаете ли вы, что с'ехать с горы значительно труднее, чем взойти?

Сламом выработывает тонкую ориентировку в горах. Вызывает такое положение, когда затеряному на высоте путнику нужно сделать много десятков поворотов, чтобы добраться до сверхающего вершу остова человеческого жилья.

На Тянь-Шане дивергент пересекает границу. И хорошо, если молодой пограничник занимается сламом, знает скоростной поворот телемаршиса. В горах у пограничника боевая, принятая на вооружении в РККА винтовка. И кто уйдет от соединения дальности и точности прицела с быстротой слаюмиста, идущего в горах на трехслойных лыжах?

Сламом воспитывает в молодом человеке качества бойца-красноармейца: мужество, храбрость, отвагу. Без них нельзя участвовать в состязании.

Несколько лет тому назад у нас, как и в Финляндии, лыжники бежали по оврагам: гладкая поверхность, прекрасная лыжная давали возможность показывать предельную скорость.

Молодой человек в круглых очках и лыжных ботках внимательно прислушивается к вопросу, с минуту молчит и, наконец, начинает говорить. Голос его уверен и свободен. По всей вероятности, нервы у него в абсолютном порядке. Это Мауэр Владимир Эрагарович — прыгун с трамплина, слаюмист, горнолыжник, мастер и тренер. Ему двадцать три года, он бывал на Эльбурсе, знает горы.

Через тридцать ворот, сделав тридцать поворотов, проходит к финишу Мауэр. Он старается идти быстрее, чем шел такой же молодой человек перед ним.

Оба участвуют в слаюме.

Спуск крут и стремительен. Флажки расставлены так, чтобы запутать лыжника. Расстояние он не знает, только флажок указывает ему направление. Поворот, поворот, который нужно сделать быстрее, чем вы об этом прочли.

Слаюмом — чудесным как в сказке норвежским скоростным спуском — наши спортсмены стали заниматься с недавнего времени. Только в 1934 году было проведено первое соревнование на Воробьевых горах.

Снег был похож на бурную кислоту: такой крупный, чистый и непрогуляй. Такие же пороки лыжи из гинкори — эластичнейшего и твердшего американского дуба — сами неслись вниз со скоростью сорока километров в час. Холодный воздух, точно непроходимая река, резинаовая простыня облекая Мауэра. Со старта был виден финиш. Воробьевы горы в Москве невысоки; проезжая по ним, лыжники думали об Эльбурсе.

Крутые склоны Эльбурса советские слаюмисты решили использовать для тренировок. Они уезжали на Кавказ в июле, когда в Москве от жары падает асфальт.

Они жили в Притоме одиннадцати. Их было много больше. Каждое утро они устраивали скоростные спуски, слаюмы, прыжки, кувыркались в мягком снегу.

Искусство горнолыжного спорта точно, продуманно, как архитектура. Это искусство требует упорного аэродинамического труда. Сделав поворот на полном ходу нелегко. Долгие часы нужно изучать движение, разлагать его на составные элементы, анализировать и, наконец, из отдельных мертвых разрозненных частей собрать целое, живое — быстрый, ловкий, единственно возможный поворот.

Лыжники знают три поворота: поворот телемаршиса, рассчитанный на эффект, на красоту—поворот с большого разбега; поворот «крестинация» — из низкой стойки, сильно упирающаяся на пятки; и, наконец, самый совершенный

Слаюм требует от лыжника большого искусства. Сделав поворот на полном ходу нелегко. Посмотрите на эти снимки: как умело владеет своим телом слаюмист! Здесь смелость сочетается с самым точным расчетом.

Горные лыжи завезли к нам из гористой Норвегии. Вначале лыжники пользовались альп-берской техникой: из низкой стойки давили на пятку и достигали поворота. Теперь, применяя свободную технику «темо-шпунг», лыжники всю тяжесть тела переносят вперед,

на носок. Слаюмист — это «обтекаемый человек», человек математически скользящий. Лыжи превращаются в тонкий инструмент. Тут уже действует «шпильный пилотаж».

Таким бегом управляют сотые доли секунды. Уже со старта слаюмистки развивают большую скорость. Они влетают через ворота, составленные из флажков, стараясь не сбить по дороге свои опознавательные знаки. Быстро, как сверканье, проходят они дистанцию слаюма. Вниз, вниз с сумасшедшей скоростью, которую даже не называют кинематографической. — здесь все стремление вперед, земля манит к себе и маленький человек, на мгновение управляющий великим законом всемирного тяготения, вчитается и мчится вперед, почти не касаясь снега.

Так бежит Мауэр. Изучить новую технику было трудно. Никаких учебников по слаюму у нас еще нет, а заграничные или не переведены или не изданы. Мауэр ходил в библиотеку иностранных книг, смотрел журналы, внимательно вглядываясь в фотографии, он хотел понять, как блистательные мастера делают свои повороты. Раскрыть секрет, который затаили немые фигуры, заставить их заговорить! Он составил отдельные фазы движения, стараясь воспробовать заполнить недостающее. Библиотека и снег жили рядом у этого молодого инженера, пишущего сейчас диссертацию на тему о конструкции гоночного мотоцикла. К спорту он подошел как инженер: с чертежами, с револьвером, рейсшиной и выкладками. Никаких случайностей: все нужно определить, все понять и обозначить.

Слаюмисты почти все — прыгуны с трамплина.

Мауэр — прыгун. Он прыгает с трамплина примерно с высоты большого дома, и его ученик Вяля Коппан летит вслед за ним. Ветер бьет в лицо, атмосфера, которая окружает на него плавают, кажется слишком густой. Прыгать нужно не только высоко и далеко, но и красиво.

Недавно несколько парашютистов, любящих прыжки отрываться от земли, пришло на

УЧИТЬСЯ МОЖНО ВЕЗДЕ

[Ответ на письмо тов. Сахаровой]

Ворожбы горы, где расположено горнолыжный трамплин. Прягдал двенадцатилетний Валя Козлов, о котором приезжающий к нам в прошлом году норвежец Тинглууд, изумительный феномен, сказал, что из его современников выйдет первоклассный чемпион. Валя стоголарь и полевой. Шлольный купол парашюта не простирался над ним, стропы не держали его. Он летел как ласточка. Лыжи, руки, ноги, грудь — все было слито в полете, все жило, мчалось навстречу сверкающему снегу, в широкую белую землю. Валя дышал легко: земля была все ближе и ближе. Валя заскользил, слитившись со странной высотой.

— Вот это да! — сказали парашютисты, — какой хлопоти!

Мауэр занимается лыжами с детства. В пять лет он первый раз пошел на лыжах в Хоршевском бору. Там жили его родители. Мальчику нравилось совершать далекие прогулки по нетронутому снегу, прокладывая колею. Он мчался по лесу с каждым годом все быстрее и быстрее, и когда на втором курсе института ему предложили поступить в горнолыжную школу на Ворожбынских горах, он с радостью пошел туда. В тот год слалом только начинался у нас. Слаломисты прокладывали для себя первую в Союзе лыжню. Мауэр оказался среди первых в этом трудном деле. Он учился сам и учил других. Такова судьба большинства наших спортсменов. Мауэру тренерская работа очень понравилась. Было приятно передавать свои знания другим. Он учил поворотам, учил новой технике «тепло-шуми», выискивал в журналах сведения о стилях мировых чемпионов-норвежцев.

Ученик его Дима Ростовец, двадцатилетний отличник третьего курса механо-машинно-строительного института, два года тренировался под руководством Мауэра и прошлой зимой завоевал первенство Союза. Теперь он лучший техник, настоящий советский спортсмен. Пройдет еще два года, и Дима превратится в инженера, но и тогда подобно своему учителю не бросит спорт. Он будет тренировать более молодых. Так, из поколения в поколение, из году в году, передается олимпиада приобретенные знания.

Работе Мауэра мешали створники равнинного бего по окресткам. Мауэр поехал, он ходил по коридорам комитета по делам физкультуры, усталым мямкам как снег коврами, шарф его развевался, и ему казалось, что он пролетит через тридцать запятанных ворот славы. Там, на Ворожбынских горах, идти было легче здесь, в канцеляриях, препятствия возникали одно неожиданнее другого.

Но Мауэр победил. Сейчас нет различия между горным и равнинным спортом.

Наступила зима, пятая зима советского слаломиста. Кто выйдет победителем этого юбилейного года, пока неизвестно.

Прочитав в № 11 «Смены» за 1938 год статью депутата Верховного Совета СССР тов. Сахаровой «Только ли в Москве?», мне хочется высказать свое мнение.

Когда-то я тоже был убежден, что учиться можно только в Москве. Я считал, что в московских институтах получить больше знаний. Мне хотелось слушать доклады, лекции, выступления знаменитых ученых, специалистов, писателей, артистов.

Моя мечта, наконец, осуществилась в 1937 году.

Когда во время летних каникул наш институт расформировали, я был как громом поражен. Правда сказать, мне тогда ужасно не хотелось расставаться с Москвой. Несколько студентов Комитет по делам высшей школы при СНК СССР послал в горьковский пединститут. Мои товарищи настаивали на это решение не захотели поехать в город Горький и остались в Москве. Я же пришел к выводу, что могу с успехом учиться в городе Горьком. Жажда к знаниям может быть удовлетворена в Советской стране в любом месте.

Хороший город Горький, и немало в нем учебных заведений. Также институты, как индустриальный, имени товарища Жданова, педагогический имени А. М. Горького, военный, строительный, сельскохозяйственный, медицинский, почти не уступают московским институтам.

Взять хотя бы пединститут. На историческом факультете этого института работают четыре видных профессора. Хорошо обеспечен профессорским составом индустриальный институт.

В городе Горьком есть хорошие театры, в которых работают заслуженные артисты. Немало в городе стадионов, парков, садов, музеев.

Одного из моих товарищей послали учиться в педагогический институт в Ростов на Лону. Ему тоже, как и мне, сначала не хотелось расставаться с Москвой. Летом он мне писал: «...Все силам позволю, но все же опять буду учиться в столице».

Но товарищ послушался моего совета и остался в ростовском педагогическом институте. Наших я получил второе письмо: «Теперь я уже не жажду, что остался учиться в Ростове. Очень доволен институтом. Сталинская забота о людях существует во всех уголках Советского Союза».

Такое же письмо получила я и от другого товарища из Новосибирска. «Мне сначала было трудно привыкнуть к тем, что меня посылают учиться в Новосибирск, — писал мне друг. — Не хотелось расставаться с Москвой. Но сейчас я убедился, что и здесь учиться можно не хуже чем в Москве. Хороший институт, есть неплохие театры и музеи».

Есть у нас в городе Горьком и недостатки. Почему-то в индустриальных институтах не читаются лекции по художественной литературе: о Шопенгауэре, Пудинке, Толстом, Горьком и других.

Запросы и культурный уровень нашего населения все растут, и для удовлетворения этих запросов в городе Горьком есть все условия.

Не во всех институтах есть аспирантура. Например в пединституте аспирантура есть только при историческом факультете. Почему бы не организовать также аспирантуру и при факультете языка и литературы и при других факультетах?

В горьковских институтах не устраивают встреч студентов с артистами и другими работниками искусства. А это было бы очень интересно.

Звуковые киноаппараты при институтах используют плохо. Нужно сделать так, чтобы при институтах систематически работали кинозалы и демонстрировались новые хорошие кинофильмы.

Но все эти недостатки устранены. Важно одно: в любом городе Советского Союза можно получить высшее образование и стать культурным человеком.

П. ШЕРСТНЕВ,

студент II курса лингвистического факультета горьковского пединститута.

ДИССЕРТАЦИЯ КОМСОМОЛЬЦА ШКИТИНА

Юному пионеру В. Шкинтину было 15 лет, когда его приняли в комсомол. В то время (в 1928 году) он был еще учеником 51-й школы в Москве.

Химия была его любимым предметом.

Окончив школу, Шкинтин стал работать лаборантом в Институте чистых химических реактивов. По-прежнему он продолжал учиться на курсах подготовки во втуз.

Восьмь лет назад В. Шкинтин стал студентом московского химико-технологического института имени Менделеева.

Прошло еще четыре года. Комсомолец окончил институт, но не покинул его. Хотелось углубить знания по любимому предмету.

Шкинтин остался в институте аспирантом. Молодой ученый занялся научно-исследовательской и экспериментальной работой, вы-

пуская совместно с профессором Н. Н. Ворожцовым печатный труд «О получении бета-амино-атрихиона».

Молодой ученый сталинской эпохи комсомолец В. П. Шкинтин не замкнулся в стенах лаборатории и кабинета: будучи аспирантом, он внедрил в 1936 году на Рубежском химкомбинате упрощенный метод получения бета-амино-атрихиона. Эта рационализация дала ежегодно экономии в 1 миллион рублей.

Сейчас 28-летний ученый В. П. Шкинтин готовится к защите своей научной диссертации на тему «О воздействии аммиака на атрихионы». Защита диссертации — в феврале.

На снимке: В. П. Шкинтин (справа) на консультации у профессора, доктор технических наук Н. Н. Ворожцова.

КАК РОЖДАЮТСЯ ПРОГУЛЫ

КОЛИНЫ ПРИЯТЕЛИ

Коля стоял у зеркала. Он завязывал толстый, шерстяной галстук. Рядом с флаконом духов лежал пригласительный билет.

Коле хотелось, чтобы голубая полоска обязательно была наверху уха, чтобы ее все видели, полоса упорно приталась. Он завязывал, развязывал галстук, разглаживал его, снова завязывал то односторонне, то двусторонне узлом, и вдруг, как яркая гусеница, свернула и выгнулась поверх уха узкая голубая полоска.

Коля надел шляпу, пальто, ногой толкнул дверь и вышел.

На Таганской площади ярко горели предпраздничные огни. Неслышно падал густой снег и тут же таял. Коля пересек площадь, вскочил в трамвай № 49. Он сжал на балу во Дворце культуры Автозавода имени Сталина.

Вечером, когда подходили к этому зданию, опоспаноному гирляндой электрических огней, кажется, что оно сделано из стекла. В огромных окнах мелькают силуэты людей. Гостеприимно раскрываются двери. Перед посетителями строй белых мраморных колонн, озаренных лампами, матовым светом. Отсюда — дорога в зимний сад, концертный зал, лекторий, ресторан. В оклах ресторана захватывающая панорама ночной Москвы.

Вчера вечером, когда не хватало вина и Вана Воронов побегал в ларек покупать, решено было сегодня всю ночь гулять во Дворце. Милка с «Динамо» шепнул Николаю о том, что приведет новую девушку. Сейчас Коля думал об этой девушке и о том, какие впечатления произведет он на нее.

— Здорово, борец! — сказал Коля, весело подходя к столу; за которым сидели ребята и девушки. — Моя душа жаждет вина.

Он пожал товарищам руки и познакомился с новой девушкой. Ее звали Жена.

Был начался рожи в 9 часов песней «Широка страна моя родная». Во всех залах Дворца заняты оркестры, возмещающие открытие праздника, ажурными парм. Среди танцующих замечдали знакомые лица комсомольцев-стакановцев.

В ресторане все зашумело, зазвенело, задымилось. Разноцветный дождь конфетти и серпантина посыпался на головы танцующих. А в окна, в огромные стеклянные окна Дворца, врывается голубой свет прожекторов «Союзкинохроника».

За столом наших друзей царило особенное оживление. Ваня Воронов в серой рубашке с белым воротничком раздвинул вино. Никто Ване не поручал ему, но так уж повелось, что Ваня всегда достает вино, рюмки, разливает, бегаёт, хозяйничает. Он выкладывает в это дело много энергии и страсти. Ваня — большой знаток по части вина и закусок. Выпивает он по поводу и без всякого повода. За всегдней таганских, кожуховских и колмоенских «вечорок», он одинаково шлет на кружих свадьбах, именинах, в дни больших и малых праздников, в связи с отъездом и приездом друзей и знакомых...

— Друзья мои! — воскликнул Коля, поднимая над головой наполненную рюмку. В этот момент Ваня Воронов дернул его за рукав и попутно сообщил, что водки в ресторане нет. Через минуту Ваня бежал в динамовский магазин.

Долго пили друзья. И никто из них не запомнил, когда и как ушла Жена, как вместо рюмок в руках очутились стаканы, как Ваня Воронов опутался с каким-то парнем.

Еще в полночь залы Дворца заполняла нарядная, праздничная молодежь. Теперь, в четыре утра, что-то изменилось в веселом облике бала.

В веселой нарядной толпе, в самых людных местах стали попадаться пьяные. Кое-где вспыхивали ссоры. Озлобленная молодежь сторонилась, обходила разгуливавших бунов.

Долго пили друзья. Уже занимался рассвет, когда они вышли на улицу. По дороге к Таганке к их компании присоединился незнакомый пьяный гармонист. Так пошли они все вместе, покачиваясь и поддерживая друг друга.

«ИЩУ ВЕСЕЛЬЯ»

Семь часов утра.

На остановке «Верхние котлы» из трамвая № 49 выходят последние пассажиры, не имеющие отношения к Коломенскому поселку. Дальше едут только поселковые жители. Торопливо входят они на остановки «у клуба», «по чучу», «на круге» и направляются по домам.

На этот раз трамвая почти пуст. Из переднего вагона, пошатываясь, выходит молодой парень. Сирингуз с подножки, он орет на всю улицу:

«Шумел камин, дребезг гауклян,
А шотка темная била».

Спотыкаясь, падает в грязь, снова поднимается и невнятным языком бредет к себе домой, в общежитие. Приход его никого не поражает. Жители дома № 40 привыкли видеть Ваню Воронова в таком состоянии. Да и кто в Коломенском поселке может удивить молодого парня, напившегося пьяным!

В поселке, где живет тридцать тысяч жителей, половина из которых — молодежь, имеются три пивных и всего один клуб. На входе клуба до сих пор демонстрируется «Под крышам Парижа». В фойе клуба орудут «козвеза». Это группа отборных хулиганов — гроза поселка.

Некоторые комсомолы, активисты Автозавода, проживающие в поселке, приезжают туда только переночевать. В свой выходной день они уходят из поселка в город.

Мне случилось беседовать с Ваней Вороновым. Я спросил его: почему он так часто пьет? Подумав, он ответил: «Ищу веселья».

К чему это приводит?

Однажды в начале декабря в комнату секретаря комсомольской организации инструментального цеха вошел молодой парень. Из-под немного застывшего халата виднелся белый воротничок на серой рубашке.

Секретарь составлял списки для обмена комсомольских билетов.

— Ты что же это так долго не являлся? Все готово, одного тебя ждем. Давай паспорт и комсомольский билет.

Парень постоял, потоптался и тихо пошел к двери.

— Ты что? Не захватил с собой?

— Потерял!

Это был Ваня Воронов — житель дома № 40.

ТАГАНСКИЕ «ВЕЧОРКИ»

Жена любила цветы. Особенно она любила их осенью и зимой. На ее маленьком столике в комнате девичьего общежития стоял хризантема. Вот и сейчас она не удержалась и купила живую белую хризантему, хотя шла не домой, а на вечеринку.

Вчера, прожывая ее домой с бала во Дворце культуры, Миша очень просил прийти сегодня вечером к Николаю. Она обещала. И вот она входит в комнату, откуда доносятся звуки патефона и шарканье ног.

Жена никогда не была на «вечорках». Она работала пирамиетристой в механическом цехе и училась в вечерней школе для взрослых. Часто ей приходилось слышать, как девчата разговаривали о «вечорках». Она смутно представляла себе, что там происходит, самое слово «вечорка» звучало как-то гадко и пошло. «Почему не вечер, не вечеринка, а вечорка», — думала Жена и отказывалась от приглашений. И вот она попала на такую «вечорку».

«Весьле» было в полном разгаре. Ребята и девушки пили белое и красное вино. Когда опустел стол, начались танцы. Кто-то принес пластинку «Мне снится сон, что люблю мы друг друга». Эту пластинку ставили весь вечер. Когда, наконец, пластинка надела и один из парней разбил ее ело пильной лопаткой, — начались игры с подсудками.

Потом, когда намоело целоваться, пошли снова за вином и закуской, предварительно сложившись с ребятами по пятёрке, с девятью трешниками. Когда же все смелели и девчачьи потуги дошли, вдруг оказалось, что куда-то исчезли напитки. А время позднее, трамвай уже не идет. Голова кружится, и хочется спать, спать, спать. Так и заснули участники «вечорки» кто на полу, кто на диване, кто на столе...

Такую картину застал отец Коли, старый слесарь Семен Николаевич Холодцов, приняв рано утром с работы. Весь праздничный день и ночь он ввел в цехе, помогая своей бригаде слесарей вовремя отремонтировать группу сверлящих станков. Коля тоже работал слесарем на Автозаводе. Ему пора уже было идти на работу. Отец застал его спящим.

Гадко и обидно стало Семену Николаевичу, он плюнул и, хлопнув дверью, ушел к себе.

А Жена? Жена еще вчера вечером, услышав, что ребята снова посылают за вином, незаметно вышла, сняла с вешалки пальто и тихо закрыла за собой дверь. Свежий ветер ударил ей в лицо. Она легко выдохнула и быстро побежала навстречу своему трамваю.

Только дома Женя вспомнила, что забыла в квартире Николая хризантему. И показала о ней.

РЮМОЧКА — ПОСОБНИК ВРАГА

Итак, Николай прогулял. Прогулял не он один: в этот день не вышло к станкам еще несколько молодых ребят — комсомольцев.

Вечори-пыльки плодот прогульщиком. Как правило, любители таких «увеселений» не выходят на работу по несколько дней. Это считалось на Автозаводе обычным делом. С прогульщиками, дезорганизаторами производства, не вели борьбы ни администрация, ни общественные организации завода.

Рюмочка! Небольшая граверная рюмочка одела из комсомольцев прогульщиком. Из-за нее же Ваня Воронов потерял комсомольский билет. Она же толкнула комсомольца Н. из первого механического цеха пьяными попой в Большой театр и устроить там дебош.

На Автозаводе помнят историю комсомольца О. из термического цеха. Он нашлись и, придя на работу, молотком разбил голову врагу.

Комсомольцы цеха были возмущены поведением О. Многие думали, что цеховой комитет ВЛКСМ соберет комсомольцев, мобилизуют общественное мнение молодежи вокруг этого факта, но комитет ограничился исключением О. из комсомола.

В протоколе № 5 от 11 ноября 1938 года заседания комитета ВЛКСМ Автозавода среди многих пунктов затерлась такая запись: «Слушая: Решение комсомольской организации термического цеха об исключении из членов ВЛКСМ О. за систематическую пьянку и хулиганство.

Поставили: Подтвердить решение комсомольской организации об исключении О. из членов ВЛКСМ.

Вот и все, что известно о бывшем комсомольце О.: один исключили, другие подтвердили. И хоть бы кто поинтересовался, что делает сейчас О! Может быть, попрережму дружит с рюмочкой и плохими приятелями. Может быть, чуждые люди «заинтересовались» им.

Многие комсомольские активисты Автозавода привыкли считать пьянку «частным делом». Заводской комитет комсомола не замечает ни тангаских «вечорки», ни плохонкого клуба в Коломенском поселке. Впрочем, какой там Коломенский клуб, если традиции тангаских «вечорки» пытаются возродить в замечательный Дворец культуры, если по божьему у комсомольской организации завода Коля, Ваня и их друзья частенько выпивают «по поводу и без всякого повода».

Враги народа пытаются лезть, мимой заботой завербовать молодежь в свои ряды. Таким путем они вовлекали комсомольца, рабочего главного конвейера, М. в пьянки, дебоши, после чего толкнули его на тяжелое преступление.

М. пошел под суд, и его приговорили к исправительно-трудовым работам. Подлемя враги пытались развлечь в нем злобу против партии и правительства, чтобы использовать его для своих коварных целей. Но М. пошел, в чьи руки он попал, он пришел в комсомольскую организацию и, раскаявшись, рассказал, как враги пытались сделать из него предателя родины.

Рюмочка, небольшая граверная рюмочка, — пособник классового врага. Рюмочка приводит к бытовому разложению. Рюмочка — наш враг.

ПЛОХАЯ КНИГА

(Письмо читателя)

Уважаемые товарищи!

Я работаю в Институте по изучению профессиональных болезней, провозжю опыты над контрастной чувствительностью человеческого глаза.

На читать, ни писать испытумый, по условиям опыта, не имеет права: надо, чтобы в течение десятиминутного перерыва глаз был свободен от всякой работы, отдалка...

Чтобы моему испытумому не было скучно, я читаю ему вслух. Выбор книг у нас самый разнообразный.

Наднях довелось мне читать одному из своих испытумых книжечку изданный 1938 года. Издана она Гослитиздатом. Это сборник рассказов в большинстве еще малоизвестных авторов. И называлась эта книжечка «Молодость».

И вот, после примерно получасового чтения я услышал беспомощный возглас моего испытумого:

— Ой, там еще много? Скучно что-то...

Такой отзыв мне пришлось слышать впервые. И я несколько задумался. В чем же дело, товарищи?

Когда узнал мой испытумый, я перечитал еще раз книжечку, чтобы проверить свое и чужое впечатление. И кончив, подумал: «А ведь он прав. Скуचना почувлился книжечка».

Как будто бы все на месте. Небольшие рассказы написаны с искренним желанием показать наших людей, показать, чем они живут, за что болеют. И все-таки...

«Все-таки нет ни одного рассказа, прочитав первые строчки которого нельзя было бы предсказать, какой будет конец».

Говоря так, я отнюдь не требую неожиданных концовок, как в рассказах Гейне. Мне бы хотелось только, чтобы конец рассказа более последовательно вытекал из характера героя, из внутренней логики описываемых событий, а не был бы таковым только потому, что «так чаще всего бывает», «так чаще всего об этом пишут», так автор якобы «сам видел» и т. д. Это же все слабые доводы... Художественная правда расподает пиани доказательствами.

Нелюх по замыслу рассказ Гребнева «Виноград». Американец-турист, путешествующий по Северному Кавказу, неожиданно попадает в неприятное положение. Облеченный видом виноградных лоз, посаженных вдоль дороги, он сделал попытку познакомиться скусными ягодами. Неожиданно появление сторожа-кабардинца синуило иностранного гостя, и он поспешно бежал, оставив на месте преступления перочинный нож. Сторож пускается в погоню. Стойко пригитовившись заплатить положенный штраф, американец с изумлением узнает, что... все виноградники и бакинские дороги засажены, по решению кабардиноблажарской областной партийной конференции, колхозами для путешников...»

Нелюх рассказ, но сколько здесь ненужных, отвлекающих подробностей... И это несмотря на малые размеры рассказа (он едва ли не самый короткий из всех). К чему так старательно описывать раздражение Кузнецова против своего спутника-американца? Зачем столько места уделять странной способности американца видеть (хоть и скверно) из'ас-

ниться по-русски и вдруг начисто забывать этот язык?

Создается впечатление, что тов. Гребнев описал некое фактическое происшествие и описал его честно, во всех подробностях. А вот художественного чутья, чтобы отделить более важное от менее важного, типичное от нетипичного, у Гребнева не хватало.

В рассказе Меньшикова весьма примечательно показана классовая борьба. В немещий дух презрежат русская учительница Наташа. Идет разговор о том, что маленькая девочка Нарейя надо поступить в школу. С первых же строк ясно, что хозяйничала против этого. Ясно заранее, что девочку учить будет. Плохо изображал людей, Меньшиков перевернул рассказ, делая «социотическими» подробности, шеголяя своим знанием нескольких мезежак фраа.

Рассказ тов. Перенцева «Шестнадцатая весна» идет первым в сборнике. Перенцев после «Сочуба» уже трудно причислить к молодым, начинающим авторам. Но язык, которым написан рассказ «Шестнадцатая весна», оставляет желать много лучшего.

Вот одна из фраз: «Настало свободное лето, а с ним пыль, топ, мухи, озноб, разная мелкая мошкара». Кого насталила такая неестрая компания, почему-то не указано.

Или еще: «В руках Никифоров держал карандаш, который чертил неуклюжие цифирь» и т. д. Вероятно, это был очень крупный карандаш тов. Перенцева, если ему не удалось поместиться в одной руке?

Стилистические неурлиности встречаются и в других рассказах. Например Левченко в рассказе «Очей Чумака» пишет: «Осея стало лихорадит, словно это была температура его собственного тела». Выяснилось, он начал отгреть ее (!) в кучи» (стр. 76).

От таких строчек действительно может охладиться.

В рассказе тов. Матова «Мужество» говорится о матери, посылающей на Дальний Восток своего младшего сына вместо убитого. Как ни старался автор (и это заметно) сделать образ матери как можно реалистичнее, как ни перегружал он его бытовыми и психологическими подробностями, а искусственности все же не избежал.

Иногда автор опережает события: так, маме еще до получения письма думает, почему из письма именно его должила найти «сестра» (стр. 151).

Если давай забыть о том, что эта фраза — затасканнейший литературный штамп, хочется спросить у автора: зачем такая торопливность? Следующая далее сцена (с почитальном) от этого только проигрывает.

И в результате простое газетное сообщение о матери, посылающей своего сына на Дальний Восток вместо убитого, воплоти в рассказе Матова оставляет читателя совершенно равнодушным.

Отчего же это так, ты, автор? Давай больше присматриваться к тому, что делается вокруг; больше думать самим, а не пережидать чужие образы, тумми, а еще... давайте больше беречь наш русский язык. Он заслуживает и не имеет еще права на лучшее с собой обращени!

К. С. Смирнов.

сотрудник Института по изучению профессиональных болезней имени Губа

1 «Молодость». Сборник рассказов, Государственное издательство «Художественная литература», М. 1938, Редактор Н. Белкина, 10 000 экз. 160 стр. 2 р. 50 к.

Первые шаги

Фото Г. Капустянского

В 1934 году из далекого Туркчула тридцать молодых каракалпакских артистов в Москву учиться театральному искусству. До того времени никто из них не видел ни одного спектакля.

Теперь это лучшие студия театрального вуза. Почти все студенты выступили в комсомол. Из персональных стипендий две присуждены студентам Кара-Калпаки.

Летом 1939 года в Туркчул приедет первый каракалпакский профессиональный театр.

* * *

На генеральную репетицию «Продолек Скапена» в каракалпакскую студию пришел народный артист СССР Василий Иванович Качалов. Великий русский мастер сцены, не отрываясь, следил за игрой своих молодых коллег, искренно хохотал и восхищался спектаклем. Потом за кулисами он подробно разобрал работу актеров.

Одним из главных достоинств коллектива Качалов считает огромную заботу об игре товарищей: каждый не только сам старается играть лучше, но стремится помочь и другим. Много труда и любви вложили в работу со своими учителями руководители студии — заслуженная артистка республики О. И. Пыжова и режиссер Б. В. Бибилов. Показать Мольера на каракалпакском языке — эксперимент очень смелый. От исполнителей надо было добиться французской легкости, познакомиться с совершенно неведомой эпохой, вести в курс взаимоотношений людей разных классов и сословий тогдашней Франции.

Работа над обычными этюдами мало помогала: студийцам не чувствовалась задачи и делали все вяло и неинтересно. Тогда режиссеры попробовали вызвать у студийцев образы европейских пьес через ассоциации со своими, знакомыми, национальными. Они предложили им сделать этюды по собственному желанию, но так, чтобы они ассоциировались с положениями и образами мольеровской комедии. И как оживились студийцы, какими яркими красками засверкали тогда их учебные работы!

Студия готовила «Азаваката Потлена». Работая над образом скучного, Саубур Утепбергенов показал восточного куша, считающего деньги. С первых же движений, по тому, как он экономно расходует воду на умывание, как вытирает руки о халат, как старательно, боясь уронить хотя бы одно зернышко, берет плов, вы чувствуете, что перед вами грязный, мерзкий старик, единственная страсть которого — деньги.

Работая над знакомыми им образами, но не искажая при этом мольеровского стиля, студийцы добились прекрасного исполнения и «Скапена». В этом мольеровском спектакле много национальных каракалпакских черт. Так рождается национальное каракалпакское искусство, основанное на большой советской театральной культуре.

Виртосовое аражеским измышлением расистских «теоретиков», утвержда-

КАРАКАЛПАКИ

щих, что каракалпаки к искусству неспособны, восприимчивость этого народа к культуре сказалась именно в искусстве.

Может быть, этим молодым актерам еще не вполне ясны теоретические определения натурализма и формализма, но что такое подлинное искусство, они понимают отлично. Несколько студентов делает этюды, остальные внимательно следят за ними.

- Плохо, — раздается вдруг голос.
- Отчего плохо? — интересуется режиссер.
- Это — не искусство.
- Почему?
- Ну совсем как в жизни!
- Работают над другим этюдом. Снова возгласы неодобрения.
- Это — не искусство.
- Почему?
- Так в жизни не бывает.

Сейчас студия готовит «Бедность — не порок Островского и «Первую Конунгу» Вишневского. Одновременно с репетициями студийцы под руководством литератора Наджиба коллективно переводят эти пьесы на каракалпакский язык.

На свою родину актеры Кара-Калпаки повезут пять спектаклей: три переводных: «Продолек Скапена», «Первую Конунгу», «Бедность — не порок» — и две национальные пьесы, над которыми работают сейчас каракалпакские писатели Бегимов, Дариваев и Давкараев.

Народный артист СССР В. И. Качалов среди студийцев.

БЕДНАЯ ИВА

Юмореска

Как-то раз в мае, сидя вечером на крыльце своей дачи и наблюдая, как медленно опускается солнце, целаясь лучами за верхушку недавно зазеленевшей ивы, склонившейся над прудом, я решил написать рассказ о любви. До того времени я ничего не писал, кроме конспектов, когда был студентом, и отчетов, когда стал инженером, но тут почему-то решил написать рассказ, причем обязательно о любви.

Вполне возможно, что меня вдохновил вид заходящего солнца, или, может быть, вид, склонившаяся над прудом, напоминала грустную женщину — не знаю, во всяком случае, рассказ я написал. Я писал его всю ночь на оборотной стороне прошлепанного стенографического отчета правления нашего треста, и к утру рассказ был готов. Фабула его была несложна: двое молодых, любящих друг друга людей, спорятся из-за пустяков, расходится, трагически переживает разрыв, наконец, погнав свою ошибку, снова сходится и, озаренные заходящим солнцем, обнявшись, стоят под плывущей ивой на берегу пруда. Поставив точку после слова «прודה», я сунул рассказ в портфель, умылся, сел в поезд и поехал на работу.

В вагоне, разговаривая с соседями, я прочитал на обратной стороне скамьи и был очень доволен, заметив, что он им понравился. На ра-

боте я познакомил со своим первенцем всех сотрудников. Они поздравили меня и потребовали, чтобы и немедленно отнес рассказ в редакцию.

Перечитав рассказ, я отослал его в редакцию одного из московских журналов. Дней через пять я решил зайти в эту редакцию и был чрезвычайно обрадован, когда редактор, ласково улыбувшись, сказал, что рассказ хорош, искренен, правдив, но несколько длинноват.

— Вы его подсократите, — сказал он мне, — и пришлите опять. Пристав домой, я внимательно перечитал рукопись и установил, что рассказ, может быть, и длинен, но сокращать его нельзя.

Два дня я мучился над ним, вертя его так и эдак, наконец, взяв ножницы, стовически закрыл глаза и наугад вырезал довольно парадоксальный кусок. Сделав край оставшегося, я, стараясь не смотреть, вложил рукопись в конверт и отправил по почте в редакцию.

Ровно через неделю я был у редактора.

— Написан рассказ замечательно — все также улыбаясь, сказал мне редактор, — но по-моему, он чересчур схематичен. Было бы очень хорошо, если бы вы смогли показать характеры этих людей на производстве. Попробуйте, ведь редакция его, может быть, и тогда его напечатает.

Приеха́в домой, я усеялся за стол и стал устранять своих героев на работу. Девушку я посылал на дачу, заставляя лить за вод, а парня устроил монтером на электростанцию.

Однако редактору и это не понравилось.

Видите, — сказал он, — в рассказе плохо развертывается сюжет, потому что наши герои не связаны производством. Вот если бы они работали вместе...

Пришлось моему герою писать заявление о переходе с электростанции на завод. Целую ночь я думал над тем, кем бы он мог работать на заводе, и, наконец, устроил его мастером в литейном цехе. Однако когда эти молодые люди стали работать вместе, то оказалось, что вблизи завода не было ни пруда, ни ивы и вообще захода солнца не видно из-за высоких домов и фабричных труб. Вести же их к месту на дачу и посылать, так как из этого потребовалось бы минимум 30—50 строк, а редактор был неумолим. Пришлось вычеркнуть и солнце и пруд, но с ивой я все-таки не хотел расставаться.

— Судя по характеру вашего героя, — сказал мне редактор, когда я лютый раз пришел в редакцию, — он вполне может быть станочником. Почему бы вам его не сделать им?

— Но тогда придется увеличить рассказ, — возмутился я.

— Увеличьте.

— А потом опять сократите? — Ну, что ж, потом опять сократил, — согласился редактор. — Инженерское дело это не то, что, как его... — и он пощелкал пальцами в воздухе. — Притом у вас совсем не обрисован характер отца героини. Снять-таки директор завода у вас только и делает,

что курит. Вы уж это как-нибудь тоже исправьте.

Я уныло согласился. Взяв на работе дополнительный отпуск, я уехал на дачу, заперев комнату и начал переделывать рассказ.

Характер у героя действительно был боевой, и становился он стал быстрее. Уже в сорочковом строке он выполнял норму на 150%, а на 70-й перевалил за 500.

Образованный таким поведением героя, я решил в конце рассказа его нужно будет переименовать, и в время оставил его в покое. Труднее было с отцом героини, который был изумительный человек, и вел он себя возмутительно. В начале рассказа он «шел по иву» и борода его развевалась от быстрого ходьбы. В конце же черным по белому стояло: «Он задумчиво тер чисто выбитый подбородок». Когда это он успел сбрить бороду, не понимаю. Принцип его до начала событий, и в рассказ он вошел уже бритым.

Отцом я взялся за директора. Тот, по моему, действительно был хорош и делал, что курил. Подумав немного, я решил, что вообще ему лучше бросить эту вредную привычку. Результатом этой операции оказалось, что директор вообще куда-то исчез, и я титетно искал его на страницах рассказа.

Ведь в начале же завода без директора, — рассуждал я, машинально размазывая рукой чернильные клюсы на столе. — Куда же он делался?

Пришлось писать целую главу о новом директоре. Этот уже не курил с самого детства и вообще был совершенно лирич. Он до того мне понравился, что я отвел ему 60 строк и наделал всяких качеств, так что героиня моментально влюбилась в него. Ума, совершенно позабыв о первой своей любви. На беду директор оказался холостым, и они поженились.

— Но что же теперь делать со станочником? — раздумывал я, заперев свдвоего празднике в квартире директора. — Парень он хороший и работный, вложить его в кого-нибудь нет никакого смысла, для этого пришлось бы писать еще один рассказ...

После недолгого размышления я решил, что ему вообще не стоит обращать внимания на ничтожную женщину, слезно бросившись в объятия дарового встречного некурящего директора. Я волею его учиться в станкостроительный институт. Это обошлось мне всего в три строк.

Отослав рассказ, усложнился и решил в редакцию больше не заходить. Через неделю я получил письмо, сообщившее, что рассказ журналу не подходит.

Удаленный, зная я, что он спутал меня с кем-нибудь другим. Однако редактор подтвердил мне, что рассказ для печати не годится.

— И вообще никаку не годится, — добавил он, разбирая бумаги.

— Может быть, его можно сократить или увеличить? — спросил я.

— Ни то, ни другое, — пробуравляя редактора, берясь за телефонную трубку.

— Но почему же это так получилось? — воскликнул я, — ведь его же направлял по вашим же указаниям.

— А потому, — сказал редактор, — что писательское дело это не так, как его, он и полагает телефонной трубкой перед моими глазами.

ПРОВОДЫ И ВСТРЕЧА

Рисунки Д. Дубинского

Текст Ю. Павова

«...Вчерашнего отставника, который вышел в люди, стал директором предприятия или инженером, начинают третировать, как человека, «отгованившегося» от работы. Препятствуя взаимности, хотя в высших учебных заведениях у нас учают даже рабочих и крестьян».

(Из речи тов. А. А. Жданова на торжественном Пленуме ЦК ВКП(б), посвященном XX-летию ВЛКСМ).

Какие радостные лица!
Иван Степаныч — вперед!
— Сержа наш идет учиться!
Ученые свет! Иди Илья!
Мы верим: ты не позабудишь
Такой торжественный момент!
Подумай только, кем ты будешь!
Рабочий! Наш Интеллигент!

Сергей вернулся инженером:

— Степаныч, как делишки, друг?
А друг в ответ: — Да где ж нам, серым...
Ведь мы без всяких там наук!
Сергей — Иди!
В такой торжественный момент
И слышит: — Тоже мне ученый!
Подумайшь — интеллигент!

(Из прошлого)

В конце своей лекции старший профессор сказал:

— Вот и закончилось первое учебное полугодие. Желаю вам, товарищи студенты, славно провести зимние каникулы и весело встретить новый год.

По комнате разгуливали, сидели, лежали собачки...

— Спасибо за доброе пожелание, Иван Платонч, — раздались голоса с разных концов аудитории. — Встретим весело. И за ваше здоровье бокал поднимем!

— Непременно весело! — ответил профессор, сходя с кафедры. — Чего вам, нынешним студентам, не хватает? Не то что в мои времена.

— Иван Платонч, а что было в наши времена, когда вы были студентом?

— Всякое бывало, разве обо всем расскажете! Мне вот, на вас глядя, напоминает, как однажды мы, студенты-медики, новый год встречали.

— Вниманье, товарищи! — крикнул бойкой звуком. — Иван Платонч поведает о том, как в его времена студенты новый год встречали.

— Не к чему... — отмахнулся профессор. — Что вы такое выдумали — вечера воспоминаний устраивать.

Но от студентов нелегко было отвертеться.

— Иван Платонч, — наседали они. — Даже по традиции принято под новый год рассказывать всякие замечательные истории.

— Но в том, что мне напоминает, нет ничего замечательного, друзья мои, — доказывал профессор.

— И все же расскажите...

— Ладно, спасибо, — сказал профессор. — Так вот, место действия — Москва, время — лет сорок тому назад. Приближались, как и сейчас, зимние каникулы, но новый

год в том подобие. Жил я тогда в Гирцах, был такой студенческий дом на Бронной улице. Он и сейчас еще стоит. Большинство живших в нем студентов постоянно заблудилось о хлебе насущном. Бегаешь, бывало, по мелким урокам и всегда думаешь, где бы перекусить да получи мелочушку на житный хлеб и колбасу.

И вот накануне нового года поучаю записку от приятеля-медика. Просит меня и еще одного студента заглянуть к ним в «Белью».

Под этим громким названием содержались на Лубинце меблированные, то есть меблированные комнаты. Кловников был отчаянный, но зато дешовый. По этой причине наши медики там скопом жили, по несколько человек в комнатушке.

Отправился я с приятелем из Гиршей в «Белью». Постучали в двери комнаты, где жили студенты, прислаивая нам записку. Едва постучали, весь коридор осядался собачьим лаем. Вероятно, думаем мы, в чужой номер постучались, в коридоре темно. Чиркнул свечкой. Все правильно, комната № 17.

Снова стучим. Лай, рычанье, скулеж — норт знает, что за какою! Мы даже к лестнице попятиться. Может быть, наших приятелей хозяйки меблирашек вчера выследила за неплатель?е?

Но вот отворилась дверь семнадцатой комнаты и появился главный «заправил», так сказать, ответственный с/мщик, студент Сашка. Лихой был паренек.

— Покажите, говорит, друзья. Мы вас дождаемся.

Подойшли к двери и увидели карину: в комнате разгуливали, сидели и лежали собачки. Сколько их там было, не счесть! Как сейчас помню, бегад, нервничала сеттер, застыла, словно монумент,

бояря. На постели приткнулись две болонки. У некии непринято таякала молодая овчарка. Белый с черными подпалинами фокстерьер истерически лаял на туго молчаливого мопса. Скулил дохлый красоглазый пудель. А на столе возлежала шоколадная тачка, рычавшая на каждого, кто смел приблизиться к ней. Под вешалкой, где болтались студенческие шинельки, сидел огромный сенбернар. Он не сводил глаз с двери, видимо, норовя поскорее ударт.

Мы с приятелем стояли посреди комнаты, осянась и за свои икры и за целост шинелей.

— Что за собачье нашествие — недоумевали мы.

Но обитатели комнаты № 17 не обратили на нас внимания. Они шурали газетами, выписывая в них какие-то важные сообщения. Вдруг один из жильцов комнаты, очкастый студент, радостно крикнул:

— Есть, нашел! В «Московском листке» нашел.

И не выпуская из рук газету, он обшарил близорукими глазами

— Ты опять со мной, мое сокровище...

комнату, затем подошел к истеричной болонке и нежно произнес:

— Теперь мне известно ваше имя, сударыня. Ваша кличка «Мушка», не так ли? Мушка, Мушка, Мушечка!

Болонка перестала визжать и даже завилала хвостом.

— Он самый, подлец, сразу свое имя признал. Мушка, Мушка, аде, крой сюда!

Мушка радостно юлила у ног очкастого студента. Сашка взял

у него газету, быстро что-то в ней прочитал и сказал:

— Красенькая обеспечена. Вы послушайте только: «Умолю вернуть за отличное вознаграждение, Кличка «Мушка», дорога как память. Трубиновский переулочек». Антошев, марш в дорогу! — приказал Сашка студенту с козлиной бородкой. — Ты человек представительный, к тому же у тебя шпалебета собственная, хотя и с заплатами. Торгуешь. Меньше детки — ни гроша. Крой!

И он старательно привязал к ошейнику «дорогой как память» Мушки кусок крепкого шпатага.

— Все в порядке, коллеги. Встретим новый год, как полагается.

Тут-то все и выяснилось. Придувал эту «шоколадную» изобретательный Сашка. Несколько дней обитатели комнаты № 17 бегали по Москве, подбирая отбившихся в предраздничной суматохе и заблудившихся хозяиных собак.

Новый год мы встретили сытно и весело.

На рынках, у дверей магазинов, в Охотном ряду и на бульварах студенты подбирали десятка полтора скудных псов. Случа несколько дней жилили из семнадцатой усердно читали объявления во всех московских газетах.

Хозяева собак, в большинстве купечки, бараны, старые деви, горстно вымалили о вознаграждении им четвероногих кумиров. Все они судились вознаграждению.

В тот день на мою долю выпало доставить по адресу блудного лаврачка из молотку, совсем мне глупую овчарку. С хозяином лаврачка пришлось потоговариться. Он предлагал трешину, я настоянная на пяти рублях. Сошлись, кажется, на четыре.

Новый год мы встретили сытно и весело, хотя с подложными собакам, чих хозяева не обнаружилась, продолжали еще сколачиваться в комнате № 17. Студент из лаврачка пришлось потоговариться. Он предлагал трешину, я настоянная на пяти рублях. Сошлись, кажется, на четыре.

И все амплии.

— Вот и все, дорогие друзья, счастливые сокровища студента, — сказал профессор. — Я рассказывал подлинный эпизод о том, как очко сорочка лет назад восемь студентов, в их числе и я, встретили на «собиачьих» сетах новый год в номерах «Белью» на Лубинце.

— Теперь мне известно ваше имя, сударыня!

Памятные ДАТЫ

Подлое преступление

(20-летие со дня убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург)

В АВГУСТЕ 1914 года германские империалисты вступили в германский раб в мировую войну. Германский буржуазии помогли социал-демократы, призывавшие рабочих к слепому отечеству. Два человека подняли голос протеста

Роза Люксембург.

против кровавой резни народов и подлого предательства германской социал-демократии. Это были популярнейшие вожди германского рабочего движения — Карл Либкнехт и Роза Люксембург, принадлежавшие к группе интернационалистов. В своей борьбе против империалистической войны интернационалисты не всегда были последовательными. Ленин критиковал ошибки Либкнехта и Люксембург и в то же время помогал им занять правильную позицию.

Карл Либкнехт выступал в трибунах германского рейхстага с требованиями против империалистической войны. В мае 1915 года Либкнехт писал в листовке «Главный враг — в собственной стране»:

«Главный враг германского народа находится в Германии: это германский империализм, германская военная партия, германская тайная дипломатия».

В 1916 году Карл Либкнехт и Роза Люксембург организовали интернационалистскую группу «Спартак», которая вела неустанную агитацию против империалистической войны, за свержение военной диктатуры кайзера Вильгельма и его генералов. Группа «Спартак» и ее вожди подвергались беспощадным преследованиям. Либкнехт был осужден на каторгу, Роза Люксембург посажена в тюрьму. Но в первые же дни ноябрьской революции 1918 года Карл и Роза возобновили революционную борьбу. В декабре 1918 года союз «Спартак» был реорганизован в

коммунистическую партию Германии.

Компартия Германии оказалась слишком слабой для того, чтобы возглавить революционное движение германского пролетариата. Когда 5 января 1919 года берлинские рабочие, выведенные из тюрьмы провокациями социал-демократического правительства, вышли на улицу с оружием в руках, руководство компартии не сумело организовать восставшие массы и дать им конкретные задачи. Социал-демократ Носке, прозванный германскими рабочими «кровавой собакой», подавив восстание с помощью контрреволюционных офицеров. 15 января Карл Либкнехт и Роза Люксембург были арестованы. Они были отведены не в тюрьму, а в отель «Эден», где помещались штаб-квартиры казачьей дивизии. Это было сделано преднамеренно для того, чтобы отделить вождей компартии в руки офицеров-монархистов. В ночь с 15 на 16 января сначала Либкнехт, а потом Роза Люксембург были выведены на улицу и зверски убиты ударами прикладов и револьверными выстрелами. Для того чтобы скрыть следы преступления, убийцы-офицеры Пфукт-Хартунг, Фогель, солдат Рунге и другие сдали тело Карла Либкнехта в морг, как «труп неизвестного», а тело Розы Люксембург бросили в канал.

Убийство было совершено с ведома и согласия социал-демократического правительства, которое сделало все, чтобы спасти убийц от наказания. Их судил не общегерманский суд, а военный суд той самой казачьей дивизии, офицерами которой они являлись. Пфукт-Хартунг был оправдан, Фогель, приговоренный к тюремному заключению, дана возможность бежать. Офицеры-преступники впоследствии стали фашистами. Пфукт-Хартунг известен сейчас как организатор германского шпионажа в скандинавских странах.

Германский фашизм далеко превзошел своих предшественников в деле расправы с борцами революции. Десятки тысяч рабочих казнили, замучили, гноили живыми в концентрационных лагерях. Уже много лет находится в заточении вождем германского пролетариата Тельман. Но придет день, когда германский народ рассветится со своими палачами за все их злодеяния и сотрет их с лица земли.

Роза Люксембург.

20 лет Советской Белоруссии

«В последние дни в гор. Минске произошли чрезвычайные события. Начиная с 8 апреля с самого утра германские патрули, залившие переулочки, стали задерживать прохожих, состоявших на военной службе и освобожденных по демобилизации. Многие улицы были оцеплены, в ряде домов и квартир были произведены обыски. Оторванные от родных мест, от семьи, от работы, бросив на произвол судьбы своих близких, сотни, даже тысячи граждан устремились неведомо куда. Те, которые еще не отправлены в Минск, содержатся в бараках, в грязи, без куска хлеба, под ударом пушек и пулеметов, разставленных для устрашения...» — так описывается в документе, относящемся к апрелю 1918 года, хозяйничание немецких войск в столице Белоруссии.

Немецкие оккупанты имели основание опасаться чуть ли не каждого жителя захваченной территории. Своими чудовищными погромами, насилиями, издевательствами они вызвали к себе всеобщую ненависть. Население оккупированных районов восставало, создавало партизанские отряды. 1 января 1918 года Временное советское правительство Белоруссии провозгласило Белорусскую советскую независимую республику. Это были первые шаги к созданию белорусского народа и всеми народами Советского Союза как готовящегося образования Советской Белоруссии.

Возвратило ушло то время, когда Белоруссия была бедным, заброшенным краем, краем страшной крестьянской нищеты, безграмотности и лихорады. В Советской Белоруссии 22 аула, готовящих около 16 тысяч специалистов. Миллион 256 тысяч детей обучается в школах на родном языке, тогда как до революции в Белоруссии было только 265 тысяч учащихся и не было ни одной белорусской школы.

Советская Белоруссия встречает свое 20-летие в теснейшей, нерушимой дружбе со всеми братскими союзными республиками. Белорусский народ готов во всю революционную энергию бороться с империалистическим народом так окупировавшим отнюдь не только Белорусию, но и весь мир.

Дом Красной Армии им. Ворошилова в Минске.

А. С. Даргомыжский

(70 лет со дня смерти)

ОДНИМ из членов эмюгучей «кузницы», создавшей русской музыки мировую славу, был композитор Александр Сергеевич Даргомыжский. Он широко известен своей оперой «Русалка», а также пошедшей на текст одноименной драмы Пушкина, и многочисленных популярными романсами. Даргомыжский был учеником и близким другом великого русского композитора Глинки, прославившегося операми «Руслан и Людмила» и «Иван Сусянин». Как и Глинка, Даргомыжский стремился к простоте и выразительности в музыке. «Малейшее злоупотребление эффектами предельно муз.» — писал о нем талантливый композитор и музыкальный критик А. Н. Серов. «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды» — так определял сам Даргомыжский свои требования к музыке. Творчество Даргомыжского было не по вкусу директорам казенных оперных театров и посягавший оперу арестовать. Писатель и публицист Г. М. Тургенев, «ты слышавший, как идет моя музыка?» — писал композитору в 1863 году поэту Кукушкину. — Да как ей идти, прохладно тесен. С одной

риды и повстанческие организации. 16 июля 1918 года шестидесяти крестьян Старосельской волости вывели на расстрел в окрестностях Могилы. В результате расстрела произошло: «Организоваться на месте и держать с организационно-агитационным отделом при Оранском изломоме как можно большую связь. При наступлении красновцев были согласны содействовать всею помощью как транспортом, так фуражом и всем к тому, что нам может».

Борьба белорусского народа с германским империализмом увенчалась полным успехом: 10 декабря 1918 года Красная Армия вступила в Минск, а через несколько дней немцы захваченных были окончательно изгнаны из пределов Белоруссии. 1 января 1919 года Временное революционное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии провозгласило Белорусскую советскую независимую республику. Это были первые шаги к созданию белорусского народа и всеми народами Советского Союза как готовящегося образования Советской Белоруссии.

Возвратило ушло то время, когда Белоруссия была бедным, заброшенным краем, краем страшной крестьянской нищеты, безграмотности и лихорады. В Советской Белоруссии 22 аула, готовящих около 16 тысяч специалистов. Миллион 256 тысяч детей обучается в школах на родном языке, тогда как до революции в Белоруссии было только 265 тысяч учащихся и не было ни одной белорусской школы.

Советская Белоруссия встречает свое 20-летие в теснейшей, нерушимой дружбе со всеми братскими союзными республиками. Белорусский народ готов во всю революционную энергию бороться с империалистическим народом так окупировавшим отнюдь не только Белорусию, но и весь мир.

сторому, гитучий промывал дирекции, с другой — ярос неизвестно публики».

Отражение Даргомыжского к заочному традициям и стремлениям к простоте и выразительности было очень сильно оказавшись в его романах. Даргомыжский создал ряд драматических и юмористических романсов, характерных грустных и трагических эпизодов на жизни «маленьких людей»: «Старый каналь», «Червяк», «Гитучий народ вентик». Последней работой Даргомыжского была опера на текст драмы Пушкина «Каменный гость». В этой опере Даргомыжский отказался от асов традиционных форм оперной музыки: лири, хора и т. д. — он добивался полного слития музыки с Пушкинским текстом. Опера «Каменный гость» Даргомыжский не окончил — умер во время работы над ней 17 января 1869 года. Опера была окончена после его смерти Кюи и Римским-Корсаковым.

Даргомыжский был даровитым композитором, стремившимся сделать музыку правдивым, реалистическим, подлинно народным искусством.

На ринге Король

Фото Л. Бордукова
Текст Р. ИСАЕВА

«Благородное искусство самозащиты» — так называют бокс англичане.

Николай Королев — абсолютный чемпион Советского Союза по боксу. Королев владеет боксерской техникой в совершенстве.

Лучший способ самозащиты — нападение. И Королев знает секреты нападения. Недавно он снова продемонстрировал свое искусство в боксе с ленинградцем Бельевым и боксцем Израэляном.

Израэлян и Королев встретились на ринге впервые. Бельев — старый знакомый Королева. В 1936 году в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького на личном первенстве Союза Королев отнял у Бельева звание чемпиона тяжелого веса.

Встреча абсолютного чемпиона Союза Королева («Спартак») с чемпионом ВЦСПС Бельевым закончилась нокаутом. Бельев не встал после десятого сета судьи.

«Глубокий нокаут», — поставил диагноз врач, который знает боксерскую терминологию не хуже чем латинские названия болезней.

Сделать нокаут нелегко. В течение всего боя Королев пытался «споймать» Бельева на прямой разный удар. Это ему не удавалось, и Бельев выигрывал раунд за раундом по

очкам. Только в конце шестого раунда, когда до финального гога оставались считанные секунды, Королеву удалось провести чистый нокаутирующий удар.

Трудно сказать, сколько весил этот удар. Очень предположительно, тренер Королева Константин Васильевич Градополов называет вес этого удара — триста килограммов.

Один из противников именованного чемпиона мира «серого бомбардировщика» Джо Луиса сказал, что у него во время боя было ощущение, будто на него падает крыша стадиона. Такова нокаутирующая сила удара.

Но не в нокауте смысл бокса. Великий английский поэт Джордж Гордон Байрон когда-то записал в своем дневнике: «Этим утром я делаю для упражнения спарринг с Джексоном и думаю продолжить мое знакомство с боксерскими перчатками. Моя грудь, руки, дыхание в очень хорошем состоянии, а у меня нет лишнего мяса».

Во время тренировки развиваются все мышцы тела боксера. Чтобы хорошо боксировать, надо хорошо бегать, хорошо прыгать, хорошо скакать через веревочку.

Королев упорно и много тренируется. Не отстает от него и Бельев. Недавно он прислал Королеву новый вызов. Вероятно, Бельеву нелегко было решиться выйти на ринг против боксера дважды добившегося победы над ним.

Двадцать четвертого февраля в Москве должен произойти новый бой. Интерес к нему, конечно, велик. Два года никто не оспаривал у Королева его звания абсолютного чемпиона Союза. Чем окончится соревнование, сказать трудно. Ринг всегда полон неожиданностей, и обычно побеждает тот, кто меньше рассчитывает на слабость противника.

Сверху (слева направо): моменты боя Королева с Бельевым в декабре 1938 года. Королев идет в атаку.

Внизу (слева): Королев в перерыве между двумя раундами отдыхает и слушает советы своего тренера.

Внизу (справа): момент боя Королева с Израэляном.

ЛЕНИН

Обложка № 2 «Смены» (1924 г.).

«СМЕНЕ» — ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

25 января 1924 года в kiosки Москвы появился первый номер нового иллюстрированного журнала «Смена».

На первой странице журнала, в траурной рамке были напечатаны портрет Владимира Ильича Ленина и обращение ЦК РСФСР к молодежи о смерти Ильича.

«Ленин жив в сердцах рабочей молодежи — эти слова были напечатаны под портретом Ленина на обложке второго номера. «Смена» знавала своих читателей с участием Ленина, с его жизнью, призывала молодежь учиться у Ильича.

В одном из следующих номеров мы видите портрет товарища Сталина и афиша «Привет старейшей коммунистической гвардии». В номере был напечатан очерк о товарище Сталине как о лучшем ученике и соратнике Ленина.

«Смена» ставила своей задачей проагитировать среди молодежи идеи Ленина-Сталина. «Смена» писала о жизни и быте молодежи и веда борьбу с пережитками старого в быту.

Журнал не стоял на месте: с годами менялся его облик, новые задачи вставали перед «Сменой». Читатели «Смены» помнят знаменитый номер, посвященный А. С. Пушкину, номер, посвященный республиканской Искры.

За последние годы в работе «Смены» был ряд недостатков, справедливо отмеченных печатью и читателями журнала.

Новые большие задачи стоят перед «Сменой». Журнал должен отражать все многообразие возрастных интересов советской молодежи, еще теснее бороться за воспитание ее в духе коммунизма.

Обложка № 9 «Смены» (1924 г.).

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гугель

Конкурс решений

Задача № 93

Задача № 94

Этюд № 17

Мастер композиции Л. И. Куббель (Ленинград)

Мат в три хода.

Мат в три хода.

Ничья.

Задача № 95

В. Протопопов и Л. Рафаэлюкский (Москва).

Задача № 96

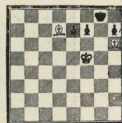
А. Немцов (город Ворошиловск).

Этюд № 18

С. Седов (город Ефремов).

Мат в два хода.

Мат в четыре хода.

Выигрыш.

Этими шестью композициями (во всех начальной позиции) открывается наш очередной конкурс решений. В него войдут также композиции, которые будут помещены в №№ 2 и 3. За решение дауходовки будут засчитываться 2 очка, трех-

ходовки — 3 и т. д., за этюд — 3 очка. Срок отсылки решений: 1 месяц со дня выхода журнала.

15 читателей, набравших наибольшее количество очков, получат премии.

Шахматная партия и композиция

Шахматная композиция в течение многих столетий была скромным придатком к практической партии. Старые задачи и этюды были по существу придуманными окончаниями партии и не больше.

Но уже в прошлом столетии среди молодежи стало тесно в этих рамках. Отказавшись от формы конвои партии и подражания комбинациям из практической игры, составители начали поиски новых, специфически значимых и этюдаких идей. Характерно, что одним из основоположников нового направления композицион был неофициальный чемпион мира А. Андерсен.

Композиция стала вполне самостоятельной ветвью шахматного искусства, по-своему интересной и увлекательной. Однако связи с практической партией не порвали. Часто игрок-практик в сложной позиции находит правильный выход только потому, что до этого встречал в композиции идею, примененную в данной позиции. Точно так же и композитор нередко черпает идеи из практической партии. Вот несколько примеров.

В Бреславльском турнире 1925 года знаменитый 3. Тарраш сдался Блюмху (черные) в такой позиции:

белые: Кр², Л⁵, п. h5 (3); черные: Кр², Л⁴, п. a3 (3). Ход белых.

Тарраш решил, что ему придется отдать свою ладью за черную пешку, которая через два хода станет ферзем. В то же время черная ладья задержит белую пешку. Однако Тарраш не заметил такой комбинации: 1. h5-h6 Л⁴-h6 2. Л⁵-h5 a3-a2 3. h5-h7 Л⁶-h8, 4. Л⁵-b5 + П Л⁸: b5, b. h7-h8Ф + с ничьей.

Знаменитый мастер не потерял бы столь обидного поражения, вспоминая об известной этюде А. А. Троицкого:

белые: Кр¹, Л⁶, п. h5 (3); черные: Кр¹, Л² (2).

Белые выигрывают путем 1. h5-h7 Л²-h2, 2. Л⁶-f1+ Кр²: 3. Л¹-g1 Л²: f2, 4. h7-h8Ф в выигрывает. Белы

1. Л²-d8, 2. Л⁶-c6+ Кр¹-d2, 3. Л⁶-d6+! и т. д.

Вот и обратный пример: как идея из практической партии воплотилась затем в этюде.

Партия Чигорин — Шлехтер из турнира в Остенде (1905 года) пришла к такой позиции:

белые (Чигорин): Кр⁵, Ф⁴, п. a4, b5, f5, h4 (6); черные (Шлехтер): Кр⁸, Ф⁷, п. f6, f7, h5 (5).

Черные дали шах 1...Ф⁷-c7+, белое опрометчиво закрыл ферзем (Ф⁴-b6-). Каков же был их ужас, когда Шлехтер, отсутствия королем (Кр⁸-a1), пришлося свистеть черного ферзя и примириться с патом.

Вот как оборотал в 1913 году эту идею известный этюдист Г. Маттисон:

белые: Кр², Л⁵, С⁴, п. a3(4); черные: Кр⁵, п. a5, c2, c5, c6 (5).

Белые делают ничью: 1. a3-a4+ Кр⁵-b6, 2. С⁴-f2 c2-c1b, 3. Л⁵: c5 Ф¹: c5, 4. Кр²-h1! Ф⁵: f2 — белым пат.

Названные шахматисты часто спрашивают: чем же лучше заниматься: практической игрой или композицией?

И тем и другим!

Отвернутая «ловушка»

Авторы некоторых шахматных учебников, разбирая один из основных вариантов испанской партии (1. e2-e4, e7-e5, 2. К¹-f3 К⁸-e6, 3. С¹-b5, 4. К⁸-a7, 5. 0-0 С⁸-d7), предостерегают начинающих: не играйте в d5! По словам учебника, белые попадают в ловушку, выбравшись из которой смогут лишь ценой материальных потерь.

Действительно, после 6...h7-b5 положение белых кажется незавидным. На 7. С⁴-b3 следует К⁵: d4, 8. К³: d4, e5: d4, и черные выигрывают пешку, так как белые не могут играть 9. Ф¹: d4 из-за c7-c5 и затем c5-c4 черные выигрывают фигуру.

Каково же было удивление зрителей турнира 1938 года, когда

КРОССВОРД

Составил Л. Худяков (Москва)

Значение слов по горизонтали

Рагозин в партии против Капа сыграл 6, d2—4. Последовало 6, c7—b5 7, c4—d4 8, Kc3: d4 9, d4 e5 10, e4 d2—c3 d4: c3 10, Фd1—h5!
 Теперь выясняется преобладающее положение белых. Над черными уже нависла угроза мата. Играция продолжалась: 10...Фd8—f6 11, K: c3 Kрe7 12, Лfе1 e3 13, Kd5 e3 14, K: f6—4 Kрd8 15, e6! c6—f3 K: e5 Сe7 16, Сe5—c6 18, Kрb5 Лd7 19, Лd1—4 Крe8 20, Лb6! Сd7 21, K: d7 Л: d7 22, С: f7—4 Кр: f7 23, e6—b! Крe8 24, ed+ Крd8 25, Лb6, и черные сдались.

Как играют наши шахматисты

В СССР женские турниры стали обычным явлением. У нас уже насчитываются тысячи квалифицированных шахматисток.
 Никто не приводит одну из партий женского чемпионата Москвы (октябрь 1938 года). Мы предлагаем шахматистка 2-й категории СССР В. Кривая, лишь несколько лет назад начавшая выступать в соревнованиях, провела всю партию в отличном стиле.

Защита Грюнфельда

Белые: Шубанова Черные: Быкова
 1. d2—d4 Kc8—f6
 2. c2—c4 e7—e6
 3. Kb1—c3 Kc7—d5
 Если бы черные сыграли 3...Сd7, то белые ответили бы 4. e4 с дальнейшим f3 и получили бы сильный, хорошо защищенный пешечный центр.
 4. c4: d5 Kf6: d5
 5. Kc3: d5 Сd7: b5
 Сильный ход, лишь заставляющий черного ферзя. Не рекомендуется также продолжение 5, e4 K: c3 6, b: c5, затем Сg7, Кe6 и т. д., и у черных хорошая партия из-за слабости пункта d4. В этом и заключается идея защиты Грюнфельда. Лучшим для белых считается 5, Фb3.
 6. Фd8: d5 Фf8: d5
 7. Kc1—f3 Сf8: e7
 8. g2—g3
 Поскольку пешка d4 нуждается в защите и придется рано или поздно сделать ход e3, белым не следовало играть 7, g3, так как пункт f3 становится очень слабым.
 9. Сe2—e3 Kf8—e6
 10. Сf1—g2 0—0
 Энергичное было 9, e5.
 10...0—0
 Как ни странно, этот, на первый взгляд, естественный ход форсировано приводит к проигранной для белых позиции: необходимо было 10, h3.
 11. Фd5—h5
 Теперь партию решает «мертвая» связка на f3.
 11. Лf1—e1 Лa8—d8
 Угрожает 12...Кe6. Хорошо было и сразу 11...Кe5.
 12. Фd1—e2 Кe7—e5
 13. d4—d5
 Ведет к потере фигуры. Единственным способом затормозить сопротивление было 13, h3, примирясь с потерей пешки.
 13. Кe5—e4
 14. h3—h4 Сg5: f3
 15. Сg2: f3 Кe7—e5
 15, Фe3—f1 Фh5: d5
 и черные вскоре выиграли.

Привнесены Елизаветы Вязовой.

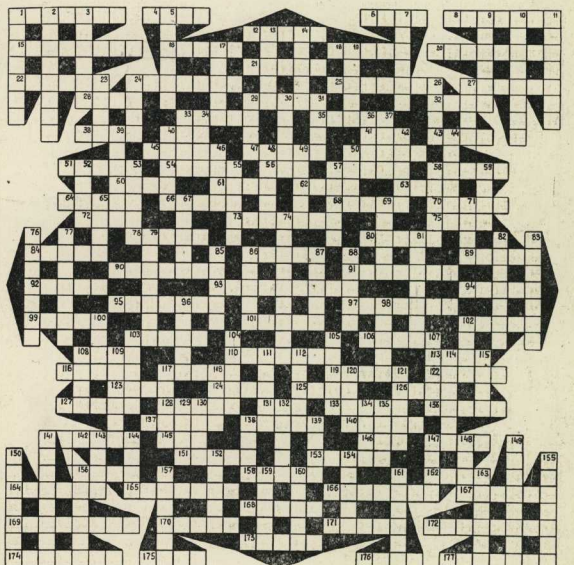
Зам. отв. редактора — М. Л. Гольдберг.

1. Пивагель. 4. Отверстие. 6. Занятые места. 8. Фрукт. 12. Очищенный верев. 15. Ковфета. 16. Очищенный осетр. 18. Боксера. 20. Легкая лошадь. 21. Вия. 22. Научные учреждения. 24. Штат в Америке. 25. Составление. 27. Яд. 28. Покушение в СССР. 29. Насекомое. 32. Напиток. 33. Мечь выходящая. 35. Растение. 38. Горючее вещество. 40. Фрагмент. 41. Увеличение. 43. Наездник. 45. Пиррова олеия. 47. Сорт абрик. 50. Инструмент. 51. Технический материал. 54. Часть пулемета. 56. Куланы. 57. Поворот. 58. Животное. 59. Город в Турции. 61. Фанатическая операция. 62. Краска. 63. Род. 64. Хищное животное. 66. Статусование. 67. Путь. 68. Хищный зверь. 70. Движущий материал. 72. Река в Европе. 73. Оловянный переключатель. 75. Олив на гербе «Гилланд». 76. Учебное заведение. 80. Алкоголь. 84. Усилитель. 86. Персонаж античной мифологии. 89. Осуд. 90. Механизм. 91. Физиологический процесс. 92. Утопичность. 93. Сельскохозяйственная техника. 94. Коммютежное увеличение. 95. Русская революционная газета. 97. Истрия народа. 98. Часть аэла. 99. Отпительное устройство. 102. Свежета. 103. Часть измерительного прибора. 106. Визалия. 108. Сельскохозяйственный орудие. 110. Город в РСФСР. 113. Замкнутая линия. 116. Единица массы. 117. Головной убор. 119. Русская дореволюционная социал-демократическая газета. 122. Фигура, неполовина коммютежного. 123. Единица измерения. 124. Пшша. 125. Животное. 126. Препятствующий элемент. 127. Бельгийский стрелок. 128. Аэла. 131. Гипотеза. 132. Неполный человек. 136. Пятна. 137. Навождение. 138. Часть аэла. 140. Ресальер. 142. Наказ. 145. Часть аэла. 146. Французская газета. 147. Животное. 151. Изобретатель телеграфа. 153. Огнь опас. 156. Халат. 158. Густой лес. 162. Покост. 164. Древнерусское государство. 166. Пешка. 168. Запанская. 167. Штрафной удар. 168. Изобретение. 169. Иероскипт. 170. Старинная уральская оловка. 171. Русская Мавзолея. 172. Доктор. 173. Школьная мебель. 174. Штат в Америке. 175. Обширный штат. 176. Палата. 177. Античная история.

Значение слов по вертикали

1. Музыкальный инструмент. 2. Зауловный приемный аппарат. 3. Место одной из побед Сусорова. 5. Краска. 7. Промышленные скульптуры. 9. Руч. 10. Индийское растение. 11. Сооружение на судостроительном заводе.

13. Спихотворная форма. 14. Форма автографной речи. 17. Промышленное здание. 18. Опора. 23. Часть жилища. 24. Длительная оловка. 25. Домашнее животное. 27. Философ. 29. Кулинария. 30. Состояние природы. 31. Значный вечер. 33. Цирклящийся для письма. 34. Мифический воздушный корабль. 36. Наряд. 37. Большая комната. 39. Осуд. 40. Мать. 42. Принадлежность для оловы. 44. Наказание. 46. Длинный стебель. 48. Горная область в Азии. 49. Часть оловка. 50. Опард. 52. Минерал. 53. Жилище. 55. Судья. 57. Коммутибельное движение. 58. Топтастая ноженка. 59. Изобретение топиона. 60. Дерево. 67. Русская Печора. 68. Домашнее платье. 71. Теннисистка. 74. Самоуничтожение. 75. Оловка. 77. Крапчатая оловка. 78. Оловка. 79. Крапчатая оловка. 83. Оловка для раздувания пшши. 81. Аэрационная шва. 82. Оттиск. 83. Предриятие. 85. Металл. 86. Краска. 87. Циклотермическое проявление. 88. Русская. 89. Лабораторная пшша. 98. Рабочий пшша. 100. Прерывание. 102. Сооружение. 103. Палата. 104. Общественное растение. 109. Частичка изобретения с отрицательным зарядом. 107. Насекомый жулик. 108. Магнетический судья. 109. Старое название одного города в РСФСР. 111. Отрицательное. 112. Научное положение. 114. Рагитаторство из колов. 115. Время года. 117. Вино. 118. Оборонительное сооружение. 120. Латырь. 121. Состояние части мовка. 122. Частичка вещества. 130. Игр. 132. Действующее лицо. 134. Открытие. 135. Минерал. 136. Формирование. 138. Пшша. 140. Гомогенное проявление. 143. Оловка. 144. Графический прибор. 147. Юстинианский отросток. 148. Русский город. 149. Переловный отлив. 150. Уроженец пшши. 152. Пеший извозчик. 154. Высокшая ракетка. 155. Равнозначное открытие. 156. Географический термин. 157. Осуд. 158. Счетный прибор. 160. Старинный танец. 161. Город в Германии. 163. Утопичность.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д. 3-34-24.

Сдано в набор 19/ХП 1938 г. Подписано к печати 14/ЛП 1939 г. Изд. № 77. Формат 72×110 см. 4 пч. л. 193 000 зн. в пч. л. Удольмоченный Главлит № А—3953. Технический редактор Б. М. Фейгин. Заказ № 3534. Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

